Игорь Москвин

Петербургский сыс

1870 — 1874

Игорь Москвин

Петербургский сыск. 1870 – 1874

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611317

Аннотация

Каждое время богато на события. 19 век не исключение. В нём не только царствовали балы, любовь и предательство, но и совершались преступления. Порой кровавые. И были люди, способные их раскрыть.

Содержание

Злодейское убийство. 1870 год 5
Будни сыска. 1870 год 12
Пороки человеческие. 1871 год 20
Женское счастье. 1872 год 28
Жертвы поневоле. 1873 год 35
Зловещая находка. 1873 год 42
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Петербургский сыск. 1870 – 1874
Игорь Москвин

© Игорь Москвин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Злодейское убийство. 1870 год

Святой праздник Благовещения в 1870 году приходился на пятницу Страстной недели. Никита Иванович Чернов, как истинно православный человек, свято соблюдая обычай русской старины, решил взять на себя обет и вместо птицы выпустить на свободу человека. С этой благородной целью он отправился в Литовский замок, двухэтажное мрачное здание из серого кирпича, потемневшего от петербургской погоды, что стояло на пересечении реки Мойки и Крюкова канала. После перестройки из казарм начало использоваться в качестве городской тюрьмы. Там Никита Иванович узнал об арестантах, которым хотел помочь по доброте душевной. Со старым человеком беседы вели учтиво, но недоумевали: зачем достойному человеку такие хлопоты? Ведь если человек посажен в камеру, то по закону, который хоть и суров, но справедлив. Но пришедший был настолько настойчив, что дошел до самого начальника тюрьмы, потревожив его в праздничный день, и, уладив все надлежащие формальности, взял на поруки отставного писаря Богрова, обвиненного в мелкой краже и сидящего лишь за неимением поручителя на сумму в пятьдесят рублей.

Богров был низкого роста тщедушный человек с бегающими глазами, которые начинали слезиться от дневного света. Худощавое лицо землянистого цвета выдавало болезненное состояние, да к тому же бывший арестант покашливал сухим кашлем, закрывая рот грязною рукою.

– Трогай, – распорядился купец извозчику, и постучал по спине, – на Большой Петербургской стороны.

Рядом с ним сидел притихший бывший арестант, нахлобучив шапку чуть ли не на глаза. Никита Иванович был доволен, что христианская душа обрела свободу в столь великий праздник и, проезжая у каждой церкви, он размашисто с удовольствием крестился.

Богров сидел тихо, словно мышь на амвоне, только тряслись плечи при кашле и бросал осторожные взгляды на поручителя. Мыслей не было, только урчало вечно голодное брюхо от постоянного недоедания.

Доехали быстро. Богров мигом оценил дом купца, глаза хоть болезненные, но загорелись огоньками. Может можно будет поживиться или кусочек отщипнуть от богатства Чернова. Странный старик, пронеслось в голове…

– Проходи, – указал Никита Иванович на резную дубовую дверь, – хоть и не царские хоромы, да свой угол. Разносолов не обещаю, но голодным не оставлю.

В столовой стояла добротно слаженная, кажется на века, мебель, посредине возвышался стол с толстой столешницей, на котором приютился начищенный до зеркального блеска самовар. Разносился запах горящих дров.

– Настя, – крикнул старик, – Настя. Где ж тебя, окаянную, носит. Вечно не дозваться.

– Да иду я, иду, – раздался из глубины дома ленивый женский голос, словно делал одолжение.

– Моя кухарка, – произнёс с улыбкой Никита Иванович, – хоть баба справная и готовит, дай Бог каждому, но с ленцой.

Из дверей вышла женщина лет тридцати, низкая, но по—бабьи привлекательная, здоровый румянец играл на круглом лице и без того чистые руки вытирала о фартук.

– Тут я, – выдавила она, словно ее никто не заметил.

– Накрой нам стол, – цыкнул на нее хозяин. Но сразу сменил тон на более ласковый, – человек настрадался, надо его приютить.

Женщина пристально посмотрела на Богрова, который съежился от ее холодного взгляда.

– Пошли, мил человек, скинешь свое арестантское, – сказал Чернов, – оденешься по—людски в Страстную Пятницу, – и добавил, – чай не сладко в остроге.

Через четверть часа мужчины сидели за столом. Богров с зачесанными назад волосами красовался в новой тёмно—синего цвета ситцевой рубашке и большом не по росту пиджаке. Перед ними дымились чашки с ароматным чаем, на скатерти стояли тарелки со свежим пахнущим пекарней хлебом, мясо с прожилками сала, порезанное крупными ломтями, кулебяки и сахар, порубленный мелкими кусками.

От обилия на столе у Богрова так заурчало, что, наверное, и хозяин услышал.

Настя при каждом приходе с подозрением смотрела на приведенного в дом, тревожно было на душе и от вида, и от взгляда бывшего арестанта.

– Прости, мил человек, но зелья в доме не держу, – старик негромко стукнул по столу и погрозил пальцем, – от него вся пагуба в жизни, через нее проклятую беды происходят. – Из глаз выступили слезы, но Никита Иванович смахнул их платочком и, словно не было мокроты, продолжил. – Как тебя угораздило в арестанты попасть?

Богров сперва перекрестился, а потом произнёс:

– Бес попутал, – снова перекрестился, – когда брюхо сводит, память отшибает.

– Что так?

– Я сам из Псковской губернии, подучился малость, на службу поступил, – Богров заметил, что старик жалостлив, поэтому на ходу начал сочинять, – матушка у меня больная, никого, кроме меня, не осталось. Сюда переезжать, сил нет. Так я деньги ей отсылал, а сам впроголодь, лишь бы ей не болеть. Так вот бес попутал и взял я казенные деньги, – он потупил взор.

– Я сам в детстве натерпелся, – перекрестился старик на образ в углу. – Ты грамотен?

– Я же писарем служил.

– Да, да, память моя старческая, – покачал головою, – возьму я тебя к себе, положу денег на житье, стол мой. Настёна хорошие щи готовит, что язык впору проглотить. Решено, после праздников к работе приступишь.

– Сумею ли?

– Сумеешь, сумеешь, не сомневайся.

– Никита Иваныч, с Вашего позволения дозволите мне сестру двоюродную посетить?

– Родственное дело – первейшая обязанность, – старик достал из кармана серебряный рубль, – не с пустыми же руками, вот тебе, – и протянул монету Богрову.

– Век не забуду, доброту Вашу.

– Иван Дмитриевич, там посыльный, – в открытой двери стояла жена, – в праздник и то покоя нет, – повернулась, показывая всем видом, что недовольна.

Помощник, теребя фуражку в руках, словно на цыпочках вошел в комнату.

Путилин, сидевший нога за ногу в кресле, оторвал взгляд от газеты.

– На Большом Петербургской купца зверски убили, – скороговоркой произнёс помощник.

Иван Дмитриевич, не говоря ни слова, медленно сложил газету и пошел в прихожую.

У входной двери толпились любопытствующие. Не каждый день богатых купцов жизни лишают, а здесь старика непьющего, помогающего обездоленным то копейкой, то едою, то платьем носильным.

Старик лежал поперек двери в большой луже крови, голова почти отделена от тела и держалась на широком лоскуте кожи. Застывшие удивленные глаза взирали на вошедших.

– Здесь кто—либо ходил? – не приветствуя сослуживцев, произнёс Путилин, склонившись над трупом.

– Нет, – ответил квартальный, – только Анастасия Попова, нашедшая убиенного и вызвавшая меня сюда.

– Хорошо, а где она?

– На кухне.

Орудие убийства лежало в стороне, это был топор с широким лезвием, оно почернело от заскорузлой крови, на деревянной части виднелись кровавые отпечатки.

– Протокол составили?

– Да, Иван Дмитриевич.

– Хорошо, – Путилин прошел по комнате. Что—то ему в ней было не так, но что он не мог уловить. Подошел к орудию убийства и поднял с пола, судя по отпечатку, рука большая, как лопата. Убийца наступил на кровь и оставил несколько следов. Сапоги изношенные с подковками. на правой щеке старика след от острого предмета, правый висок пробит, скорее обухом топора и последний удар нанесен был, когда хозяин дома уже упал на пол.

Иван Дмитриевич подозвал помощника и приказал зарисовать след, сам же направился в кухню. Там на стуле, положив непослушные руки на колени, сидела кухарка. Глаза просохли, она успокоилась, хотя иногда тяжело вздыхала и тогда открытым ртом набирала воздух, на мгновение замирала и едва слышно выдыхала, словно боялась потревожить спящего хозяина.

– Добрый день, – поздоровался начальник сыскной полиции.

Женщина посмотрела мутными глазами и едва что—то прошептала.

– Анастасия, как по батюшке?

– Никифоровна, – выдавила из себя кухарка.

Путилин снял шляпу и протер пальцем правой руки глаз.

– Анастасия Никифоровна, как не тяжело, но мне надо вас расспросить.

– Да, я готова.

– Когда Вы нашли несчастного?

– Поутру я в восьмом часу прихожу и начинаю готовить, Никита Иванович любит день начинать с каши на молоке, – женщина вытерла краем фартука выступившие слезы.

– Как проходите в дом?

– С черного входа.

– Он на ночь закрыт?

– Да, отпираю своим ключом. Сегодня, как обычно, прошла, приготовила.

– Хозяин по утрам встает рано?

– В шесть он на ногах, обычно до утреннего чая успевает сделать много дел, а сегодня в доме тишина. Ну, я и прошла в столовую, а там, там, – слезы ручьем полились из глаз. Путилин провел рукою по волосам, сколько он видел смертей, но никак не мог привыкнуть к женским слезам.

– Успокойтесь, голубушка, успокойтесь.

– Найдите этого изверга, с виду невинный агнец.

– Вы знаете убийцу?

Анастасия подняла глаза и посмотрела на Путилина.

– Никита Иванович, как православный человек истово соблюдал обычаи, поэтому собрался вместо птицы выкупить из тюрьмы человека, чтобы дать ему свободу. Вот и съездил, я не знаю куда, но вернулся с человеком маленького роста, со злющими глазами. Подарил ему рубашку, пиджак, дал денег.

– Это Чернов сказал Вам?

– Нет, – потупила взор женщина, – я слышала их разговор. Никита Иванович обещал устроить его к себе.

– А имени не слышали?

– Не довелось.

– Хорошо, а кто еще бывал у вашего хозяина?

– Кроме племянника никто.

– А племянник?

– Беззаботный господин, служит в армии подпоручиком. Гуляка и распутник, всё к дядюшке за деньгами приезжал.

– Ссорились?

– В последний приезд Никита Иванович грозился лишить его за гульбу наследства, но с того, как с гуся вода, все ему ни по чем.

– Где он служит?

Анастасия пожала плечами.

– Хорошо, – сказал Путилин, – спасибо.

На Офицерской в своем кабинете Путилин собрал агентов.

– Господа, сегодня, как вы уже знаете на Большом совершено злодеяние. Убит старый человек, о котором говорят только хорошее. Я считаю своим долгом в ближайшее время найти злодея, – Иван Дмитриевич прохаживал вдоль стола. – Вам, – он указал пальцем на агента, – предстоит узнать, кого взял на поруки несчастный старик, а всем вам предстоит его найти. Вы привезите ко мне племянника убиенного, – он взглянул на хронометр, – часам к шести. Все, господа, вы свободны.

Когда кабинет опустел, Путилин вызвал помощника.

– В описи отсутствует духовое завещание, – хозяин кабинета продолжал ходить вдоль стола, – чтобы в столь почтенном возрасте не подумать о продолжателе дела. Это крайне странно. Вот что, мне необходимо знать: у кого лечился почтенный старец.

– Понял, – помощник скрылся за дверью.

«Слишком просто получается, – думал Путилин, глядя в окно, – а по—другому не выходит. Вполне может быть, может быть».

Через час доктор Гроттен сидел перед хозяином кабинета. Он был полон сил, средних лет, сидел прямо, словно проглотил острую шпагу. Только глаза недобро блестели за стеклами пенсне.

– Я прошу прощения, Отто Францевич, за беспокойство, но обстоятельства складываются так, что мне необходимо с Вами побеседовать.

– О да, я к Вашим услугам, – доктор говорил без акцента, его предки давно переселились в Россию.

– Вы, наверное, уже слышали о несчастье, постигшем одного Вашего пациента.

– Это такое горе, бедный старый человек!

– Судя по капиталам, не так уж беден.

– Я не в том смысле, – возмутился Гроттен.

– Я тоже, но вернемся к нашему разговору. Господин Гроттен, Вам что—нибудь известно о духовном завещании?

– Конечно, – удивился доктор, – оно всегда лежало в шкатулке в спальне Никиты Ивановича.

– Вы знаете, что там было написано?

– Конечно, я же ставил под ним свою подпись, как свидетель, что Никита Иванович в полном рассудке и здравии. Его под диктовку господина Чернова писал коллежский асессор Макар Федорович Спицын, заверял второй подписью протоиерей Василий Яковлевич Виноградов.

– Когда была составлена духовная?

– Третьего дня я был по вызову у господина Чернова, он разнервничался после разговора с племянником, который ведет разгульный образ жизни. Постоянно в долгах, Никита Иванович взял заботу о его воспитании в память раноушедшей сестры, но господин Кислицын не исправим. Карточные долги, дамы, весь набор, как выражался молодой человек, истинного офицера.

– Что говорилось в завещании?

– Никита Иванович не был памятливым человеком, я думаю, завещание составлено в минуту раздражения. Он все свои капиталы завещал Александро—Невской лавре, он бы его уничтожил. В старом, написанном несколько лет назад, наследником становился племянник.

– Интересно, но не найдены ни старое, ни новое завещание.

– Не могу ничего сказать, – развел руками доктор.– Я рассказал все.

– Спасибо, Отто Францевич, и будьте любезны, подпишите протокол и прошу прощения за беспокойство.

Картина вырисовывалась, но не складывались некоторые штрихи.

– Иван Дмитриевич, – перед начальником сидел агент, – вот показания дворника соседнего дома, он видел, как господин Кислицын дважды в роковой вечер навещал дядю. Первый раз он приехал на извозчике и в раздражении, а второй тайком через задние дворы.

– Дворник хорошо его разглядел? Ведь было темно, да и освещение слабое?

– Нет, он уверен. С господином Кислицыным они сталкивались неоднократно.

– Как с арестантом?

– Его фамилия Богров Семен Яковлев, писарь обвинен в краже казенных денег, отбывал наказание в Литовском замке. Маленького роста, худосочный. Сейчас проверяем питейные заведения, трактиры.

– Если у нашего злодея появились деньги, то проверьте и дома терпимости. Может, забрел туда.

В шесть часов возмущенный подпоручик Кислицын ходил большими шагами по кабинету Путилина.

– Я не понимаю: зачем меня привезли в это гнусное заведение? У меня злодейски убили благодетеля, единственного близкого человека. Вы же творите безобразие, я напишу жалобу прокурору.

Иван Дмитриевич спокойно сидел на рабочем кресле, его занимали другие мысли, он рассматривал сапоги вышагивающего. По размеру, по крайней мере, на глаз, сходны, осталось подковку проверить, но это еще успеется.

– Господин подпоручик, Вы присядьте. Разговор предстоит нелегкий.

Кислицын заскрежетал зубами, но присел, снял перчатки вначале с левой руки, потом с правой, оперся на эфес сабли.

– Я Вас, милостивый государь, слушаю.

– Похвально, похвально.

– Я не понимаю: почему я здесь?

– Господин Кислицын, у Вас убит близкий родственник, которому Вы обязаны всем и который третьего дня лишил Вас наследства…

– Что за гнусная ложь! – Вскочил подпоручик. – Клевета!

Иван Дмитриевич устало смотрел на собеседника.

– Присядьте, легче будет разговаривать. Ваш дядюшка действительно переписал духовную в присутствии трех свидетелей.

– Это ни о чем не говорит. Дядя любил меня и просто хотел, чтобы я изменил свое поведение, поэтому решил меня проучить. А духовной уже нет.

– Откуда Вы знаете?

Офицер замер с открытым ртом, недоумевая, как проговорился.

– Я подскажу, – Путилин хитро прищурился, – Вы же вчера его взяли.

У Кислицына поникли плечи, он как—то на глазах стал меньше.

– Да, это я взял духовную, – деревянным языком произнёс подпоручик, и лицо его налилось красным цветом.

– Я знаю, – произнёс Иван Дмитриевич, – Вы взяли и старую духовную, и новую.

– Да, это я.

– Вы оставили следы на полу и Ваша рука приметная, остались от нее кровавые следы на рукоятке топора и Вас видели у дядюшки, которого вчера Вы навестили дважды. Один раз на извозчике, а второй раз тайком.

Офицер сидел, понурив голову.

– Уведите, – распорядился Путилин.

Пока Иван Дмитриевич допрашивал подпоручика Кислицына, нашли и Богрова в доме терпимости на Старопетергофском, где он сорил деньгами, словно получил долгожданное наследство.

– Садись, Семен Яковлевич, садись, в ногах правды нет.

– Благодарствуем, – улыбался хмурой улыбкой Богров.

– Где ты был вчера вечером? – Путилин начал рыться в бумагах на столе, вроде бы не обращая внимания на арестанта, но в то же время внимательно следил за сидящим напротив, тот облизнул губы и расплылся в улыбке.

– Не помню, вчера шлялся, где—то пил, с кем—то выпивал, не помню. После тюремной камеры захотелось свободу почувствовать.

– Так не надо было попадаться…

– Господин Путилин, как говорит наш многострадальный народ: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». Вот и я прошел и через это, и через то.

– Твой поручитель раньше был тебе знаком?

– Нет, – покачал головою, – я ему премного благодарен, обещался в работники взять.

– А на какие деньги гуляешь?

– Так благодетель мой на проживание выдал.

– А не много ли?

– Хозяин – барин.

– А случаем не знаешь племянника поручителя твоего?

– Не знаком мне.

– Придется тебе, Семен, искать нового поручителя.

– Что так? – в глазах лед и ни капельки любопытства.

– Господин Кислицын, – тяжело вздохнул Путилин, – совершил зверское злодейство, убил твоего благодетеля.

У Богрова, словно спали оковы, на лице промелькнуло облегчение.

– И здесь не Слава Богу.

Путилин поднялся из—за стола.

– Но придется тебе, Семен, задержаться у нас за воровство.

– Нет на мне вины, нет. Сам Никита Иванович дал мне денег, сам.

– А пальто?

– И пальто.

– Его господин Чернов шил для себя у дорогого мастера и только вчера первый раз надел.

– Он отдал мне, он.

– Ладно, – Иван Дмитриевич вызвал помощника, – уведите в камеру.

– В чем моя вина? – застыл вопрос Богрова в дверях.

Путилин сидел за столом и читал газету. В дверь заглянул помощник.

– Иван Дмитриевич, зачем Вы этого заморыша в камеру отправили?

– Убийца он.

– Как? Ему же топор было не поднять?

– Ошибаешься, он крепкий, руки у него словно железо, ухватит – не расцепишь.

– А офицер?

– Он не виновен. Наверное, проигрался и приехал к дядюшке денег просить, а тот прогнал, поэтому в первый раз он уехал злой, а во второй он решил у дядюшки потихоньку денег взять, благо знал, где лежат. Можно установить, что срок долга заканчивался вчера вечером. Он тихонько пробрался в дом, наступил в кровь, споткнулся и рукой схватился за топорище, а когда увидел убитого дядю, то смекнул, что наследство уплывет в Лавру. Схватил с испугу и деньги, и оба завещания. Ему признаться в воровстве, что честь потерять, он готов в Сибирь, чтобы не открылась его подлость. Новую духовную он, наверное, сжег. А этот заморыш, как ты говоришь, силен как бык и к тому же левша. У Богрова на правой руке приметное кольцо, он ударил старика кулаком, разодрал щеку до крови, потом ударил обухом, след остался с правой стороны, так мог ударить только левша, а уже потом, когда он упал и скорее всего начал кричать, убийца ударил по шее. Забрал деньги, которые в темноте нашел, запачкал в крови рубашку и не заметил, она же тёмная, так вот от рубашки след остался на подкладке пальто. Вот еще одна улика, тем более у Богрова ни одной раны на теле нет. Не могла кровь попасть на подкладку.

– А кто усмотрел?

– Миша, мы с тобой в сыскном служим или коврижками торгуем?

– Иван Дмитрич…

– Не слушай старика, ворчу не по делу. – Потом улыбнулся. – Вот тебе, Миша, и заморыш.

Будни сыска. 1870 год

В канун Нового года помещик Тамбовской губернии Петр Петрович Нестроев был обворован. Если бы вынесли из номера гостиницы, что на Моховой улице, где он соизволил остановиться, шубы, костюмы и иные безделицы, он не обратил бы особого внимания. Но, шутка ли, тридцать тысяч, привезенных на всероссийскую выставку, были не малой суммой, чтобы ею можно было пренебречь.

Дородный Петр Петрович неуклюже сидел на краешке резного стула, пожевывал от волнения длинный ус и поминутно смахивал со лба выступающий пот.

– Господин Путилин, ради Бога, помогите моему несчастью. Тридцать тысяч, тридцать тысяч, – тряс головою, причитая тонким голосом, обворованный провинциал, – я остался без гроша. Выставка проходит, а нужное мне не куплено. Господин Путилин, умоляю вас, найдите негодяя, покусившегося на чужое.

Иван Дмитриевич, начальник сыскной полиции столицы Российской империи, не слушал причитания помещика, в голове проносилось множество мыслей, но ни за одну из них он не мог ухватиться. Раззява стал жертвой «карманного путешественника», как их называли в сыскном отделении. Только место происшествия, по словам обворованного, найти невозможно.

– Прошу успокоиться, Петр Петрович, – Путилин поднялся из—за массивного дубового стола, голос хоть и не выдавал никаких чувств, но едва заметное раздражение сквозило в его словах, – объясните подробнее, когда вы заметили пропажу денег?

Нестроев, итак сидевший в неудобном положении, словно совестно отнимать время у занятого начальника сыскного отделения, вскочил и повернулся к хозяину кабинета, теребя в руках меховую шапку.

– Господин Путилин, в моей шубе, – он откинул меховую полу, показывая Ивану Дмитриевичу, – есть потайной карман, в котором я хранил кожаный кошель. Сегодня поутру обнаружил, что карман, извините, пуст.

– Скажите, а вечером вы проверяли – был ли кошель на месте?

– Нет, – потупился помещик и торопливо добавил, – по чести говоря, вспомнить не смогу. Вчера вечером за ужином я позволил себе немножко лишнего, – и развел руками, извиняясь за поведение.

– Понятно. В каких купюрах был ваш капитал?

– Там были тридцать билетов по тысяче рублей в процентных бумагах.

– Хорошо, вы не могли бы припомнить: в каких местах вы бывали?

– Господин Путилин, все время я провел либо на выставке, где я встречался с весьма почтенными господами, либо в гостинице, где не менее солидная публика.

– Сие прискорбное событие могло произойти только на улице, – рассуждал вслух Иван Дмитриевич, – до Нового года остаются считанные дни. Можно попробовать поймать вора, но потребуется ваша, почтенный, помощь.

– Я буду рад чувствовать себя полезным, – помещик, хоть и был удручен, но в глазах промелькнула надежда на счастливый исход.

– Попрошу вас, Петр Петрович, задержаться до праздников, – Путилин подошел к окну, – надеюсь, нам повезет и к празднику вор проявит себя.

В дверь раздался осторожный стук.

– Войдите, – громко произнёс Иван Дмитриевич, показывая Нестроеву, что тот может быть свободным.

Петр Петрович неуверенными шагами вышел из кабинета.

Пропустив его, перед Путилиным предстал помощник.

– Иван Дмитрич, прибыл посыльный из доходного дома на Фонтанке, там найден то ли убитый, то ли голова убиенного. Не поймешь толком, лопочет малый и беспрестанно крестится.

– Приведи его.

Помощник через несколько минут появился в кабинете с худощавым пареньком лет шестнадцати, тот стоял с выпученными глазами, действительно чуть ли не каждую секунду повторял «Свят, свят» и осенял крестным знамением.

– Как зовут тебя, малец? – обратился Путилин к испуганному пареньку.

– Семеном, Ваше Превосходительство, – чуть ли не вдвое сложился юноша, заикаясь то ли от природы, то ли от страха.

– Кем служишь при доходном доме?

– Посыльный, Ваше Превосходительство.

– Как добрался до нас? Только без Превосходительства.

– Бегом, ваше…

– Что стряслось—то? Пустое иль?

Путилин продолжал стоять у окна с небрежным видом, чтобы не нагонять дополнительного страха на молодца.

– Толком я не знаю, мне приказано бежать к вам, сказать, что убиенный найден в комнатах у барыни со второго этажа, и по—тихому вас привесть. Слава дурная заведению не потребна.

– Хорошо, – только и произнёс Иван Дмитриевич, натягивая черное пальто, – поехали.

Прибыли на место, на втором этаже толпилась любопытствующая публика. Сам хозяин, низкий толстый господин с лысой головою встретил начальника сыскной полиции.

– Иван Дмитриевич, беда—то в моем доме. Не ждал – не гадал, да послал Господь наш, – хозяин перекрестился, – испытание.

– Ладно, что стряслось? – перебил словесный поток Путилин.

– Иван Дмитриевич, дорогой, с полчаса назад из комнат, что занимает Дарья Николаевна, раздался такой крик, что кровь в жилах застыла. Меня позвали, я распорядился взломать дверь, ибо она была закрыта изнутри. Барыня стояла у окна и кричала, прямо таки визгом исходила и все пальчиком на кровать показывала, там под нею и обнаружилась голова. Барыню в соседние комнаты увели, а эти я приказал прикрыть и никого не пускать.

– Хорошо. А где барыня?

– Я провожу, – произнёс хозяин.

Барыня сидела в наброшенной на плечи цветной шалью. Волнение покинуло ее, и теперь спокойствие царило на лице.

– Добрый вечер, Дарья Николаевна, я – начальник сыскной полиции Путилин Иван Дмитриевич, прибыл для расследования происшествия.

При последнем слове в глазах женщины промелькнул испуг, но тут же был погашен ее показным безразличием

– Расскажите, что произошло?

Дарья Николаевна тяжело вздохнула.

– Я вернулась от графини Н., чтобы переодеться к посещению театра. Некоторое время я выбирала наряд и на свое несчастье уронила серьгу. Наклонилась, чтобы ее поднять и невольно бросила взгляд под кровать, – она закатила глаза, и чуть было не потеряла сознание, но, взяв себя в руки, продолжила, – там лежала голова, я не знаю отрезанная ли, но настоящая человеческая голова. Дальше, что было, я помню смутно, ибо мое сознание помутилось. Господа, увидеть это выше моих сил.

– Дарья Николаевна, когда Вы поселились в данном заведении.

– Три дня тому я приехала из Москвы.

– Спасибо, – Путилин попрощался и вышел из комнаты, где вжавшись в кресло, сидела испуганная женщина.

Иван Дмитриевич вернулся в комнату, где был обнаружен страшный предмет. Свечи давали яркий свет, что ни один угол не оставался в вечернем сумраке. Путилин распорядился отодвинуть в сторону кровать, вознамериваясь исследовать страшную находку. Служащие взялись за углы тяжелого спального предмета, с большим трудом отодвинули в сторону.

– Дела, – улыбнулся Путилин, – побольше бы таких голов и смотришь – злодеяния бы исчезли.

В мерцающем свете колеблющегося пламени на полу лежала не отрезанная голова, как показалось впечатлительной даме, а маскарадная маска.

– Иван Дмитриевич, дорогой, – хлопотал вокруг хозяин, – счастье– то какое. Слава Богу, я же думаю: как такое злодеяние может произойти в моем заведении, где обитает почтеннейшая публика.

– А кто здесь жил ранее?

– Я сверился по записям, – хозяин стоял в полупоклоне, – жил один московский балам-мут, сын купца первой гильдии. Он здесь изволил отдыхать от трудов праведных. Шутник известный.

– Вот и пошутил, – констатировал Путилин.

– Он уехал домой к батюшке.

– Отпишите купцу о проделках сына.

– Непременно, а вы, Иван Дмитриевич, не сердитесь за недоразумение. Какое счастье, какое счастье, – приговаривал обрадованный хозяин.

– Прощайте, господа, – произнёс начальник сыскной полиции и покинул доход-ный дом.

Иван Дмитриевич направился домой, предупредив помощника, чтобы к девяти утра тот собрал сыскных агентов. Впереди Новый год.

Тяжелым уставшим шагом Путилин поднялся на второй этаж, открыл дверь и, стараясь не шуметь, пошел в гостиную, где скинул пальто и шапку, опустился в глубокое кресло. Несколько минут сидел в задумчивости и незаметно задремал.

Утром не выспавшийся Путилин напутствовал агентов.

– Через два дня большой праздник, всякая преступная нечисть, какая она осторожная не была, захочет именно в этот повеселиться и покутить. Необходимо особенно увеличить бдительность, обо всем необычном докладывайте сразу. Меня интересует: кто заказывает дорогие кабинеты. Люди на эти дни становятся беззаботнее, этому тоже уделите внимание, – махнул рукою, мол, свободны и принялся за остывший чай.

Новый год приближался, а настроение – хоть в петлю лезь. Дел в производстве нако-пилось не то, чтобы много, но грех переступать черту с незавершенными. Вот обворованный провинциал, одних банковских билетов лишился на сумму тридцать тысяч, да не в деньгах дело, а в том, что карманник ходит на свободе и «потрошит» своих жертв. А Спиридонов второй раз из рук уходит, стареешь, брат, стареешь, – шептал Путилин, – хватка уж не та, мил человек.

В дверь протиснулась голова помощника, который как всегда забыл постучать, хоро-ший малый да со своими причудами.

– Иван Дмитрич, – чуть ли не шепотом позвал начальника.

– Угу, – только и произнёс хозяин кабинета.

– Прибежал от трактирщика Пулова мальчонка, передает, что Пашка Спиридонов объявился, завтра съедет, а сегодня ночью будет на Петербургской стороне.

– Хоть одна хорошая новость, – потер руки от нахлынувшего чувства, – вечером устроим облаву.

Уже было темно, когда постучали в ворота. Там в глубине забегали, но открывать не спешили.

– Кого там, на ночь глядя несет, – раздался зычный голос.

– Полиция!

За воротами шум не прекратился, но никто не торопился отворить замок.

– Полиция! – повторно закричал один из агентов и начал барабанить так, что ворота затрещали. – Открывай.

– Кой черт, – распахнулись створки, и агенты повалили в снег молодого парня в темной рубахе. – Тише, тише, убьете черти, – кряхтел он, вырываясь из цепких рук. Полицейские, зная свое дело, кинулись искать Пашку, с ними во двор вошли понятые.

– Что надо? – парень был напуган. – Хозяин спит и не велел себя тревожить.

Путилин подошел вплотную к парню, скорее всего, бывшему здесь дворником, и, глядя в упор, спросил:

– Где Пашка Спиридонов?

На миг в глазах у спрашиваемого мелькнул испуг, но он тут же взял себя в руки.

– Какой Пашка? Мы добрых людей не прячем, а с ворами дел не имеем.

– А откуда знаешь, что он вор?

Парень на миг смутился, но выкрутился:

– Чай не на выселках живем, а в городе.

– Врешь?

– Истинный крест, – дворник перекрестился и поцеловал свой нательный крест.

– Проверим, если найдется, худо будет, ответишь за укрывательство.

– Барин, не стращай, нету тут никого.

Оцепили дом. Ни одна живая душа не могла проскочить, а осмотр дома ничего не дал и подвал обыскали, и дворовые постройки, и кладовые, и комнаты все. Пусто.

Путилин с досады сплюнул:

– Снова сбежал.

А здесь и хозяин со своими угрозами, честных людей тревожите, обыски самочинные устраиваете, вот жалобу на вас, вот до прокурора дойду и так поливал словесно.

– Все, – посетовал Иван Дмитриевич, – снова ушел.

– Не может быть, – сказал один из полицейских.

– Может через забор ушел?

– Нет, Иван Дмитрич, он где—то здесь, не мог уйти, оцепили так, что муха не пролетит.

– Хорошо, сделаем так, делайте вид, что уходите. Я попробую сыграть одну штуку.

Полицейские, понурив головы, уходили, словно побитые собаки. Сведения были настолько верные, что не верить им было нельзя. Да, незадача, пустышка, то ли ушел лихоимец, то ли хорошо спрятался.

Оставшись один, Путилин пошел по темным углам. Время от времени он произносил шепотом: «Можно выходить! Ушли окаянные.»

Как только сыщик подошёл к замеченной им в глубине двора мусорной яме, послышался едва слышный шорох, куча тряпья зашевелилась и выглянула взлохмаченная мужская

голова. Скорее всего, преступник в темноте не смог опознать начальника сыска, а видел только его силуэт.

– Ушли? – тихо поинтересовался Пашка.

– Да выходи, – Путилин произнёс тихо в ответ, словно опасаясь, что его могут услышать за забором.

Сидящий в яме опасался из нее вылазить.

– Ушли?

– Да ушли! Вылазь, злой ушёл Путилин.

– Приятно его одурачить в третий раз, – тихий смех раздался из ямы и человек начал карабкаться наверх, Иван Дмитриевич подал руку и так под руку подвёл Пашку к воротам, где его уже ждали агенты.

Пашка только моргал удивлёнными глазами и рот открывал, словно рыба, выброшенная на сушу.

– Не буди лихо, – назидательно произнёс Путилин, – пока оно тихо, – и погрозил преступнику пальцем.

Потом подошёл к дворнику.

– Тебя тоже в участок?

Тот был ни жив, ни мёртв. Съёжился, словно на локоть стал ниже.

– То—то, в первый раз прощение тебе, но попадёшься во второй…, – так и не докончив фразы, вышел со двора.

Ночь вступила в свои законные права.

В полдень следующего дня первый раз за столько лет раздался стук и вошел помощник.

– Иван Дмитрич, – он прикрыл за собою дверь, – Иван Дмитрич, к Вам дама.

– Пригласи, – не поднимая глаз, Путилин произнёс и продолжил чтение документа.

В кабинет, нет, не вошла, а именно впорхнула особа, лицо которой было прикрыто вуалью, но разве можно скрыть молодость за темною сеткой.

Модный гардероб говорил о достатке, дама теребила в руках платок, выдавая тем самым сильное волнение, ежесекундно подносила его к лицу. Слышались негромкие рыдания.

– Сударыня, прошу вас, успокойтесь, – Путилин отложил в сторону документ, – не волнуйтесь.

Дама расправила стройный стан.

– Расскажите, в чем дело?

Было заметно, что она не знает с чего стоит начать и поэтому нервно сжимала батистовый платочек.

– Господин Путилин, я попала в страшную беду, – всхлип прервал ее слова.

– Прошу вас, вытрите слезы, возьмите себя в руки, так мы не доберемся до сути, – предложил стакан воды, от которого посетительница отказалась.

– Хорошо, хорошо, – вымолвила дама и, словно по мановению волшебной палочки, ее голос стал спокойным и приятным на слух.

– Иван Дмитриевич, мне стыдно, но я вынуждена просить помощи. Я в большой опасности.

– Расскажите, что за опасность. Не торопитесь, – хозяин кабинета встал из—за стола и присел на стул, стоящий напротив посетительницы. – Я внимательно слушаю.

– Дело в том, что меня хотят убить, – еле слышно выдавила дама.

– Как вас?

– Да.

– И кто этот негодяй?

– Мой знакомый поручик грозился убить меня сегодняшней ночью.

– Чем вызвано это, прямо скажем, странное желание?

– Несколько дней тому я призналась ему, что мне ужасно наскучил наш затянувшийся роман. Он был взбешен до крайности, последней каплей, толкнувший меня на разрыв, были приступы безосновательной ревности, сцены которой он устраивал в моем доме. И вот теперь до меня дошли слухи, что именно сегодня ночью он замыслил злодеяние. Я боюсь, мне страшно оставаться одной в доме.

– Сударыня, ведь у вас есть знакомые, у которых вы можете провести опасную ночь.

– Мне неловко, – дама опустила голову, – в обществе пойдут слухи. Моя репутация… Сделайте что—нибудь.

– Вы не знаете, где он может находиться в данное время?

– Не знаю, – честно ответила дама.

– Так, значит, сегодня вечером он обещал явиться на Вашу квартиру, чтобы свершить злодеяние?

– Да, – глухо вымолвила посетительница.

Путилин поднялся со стула, потирая рукою подбородок, прошелся по кабинету, обдумывая услышанное.

– М—да, ситуация, – снова присел напротив дамы, – я могу выставить агентов вокруг дома.

– Это будет скандал, и я не уверена, что поручик оставит меня в покое. Он может явиться сегодня, а может и в следующую ночь?

– Сударыня, я не располагаю таким штатом, чтобы каждую ночь нести караул подле вашего дома.

– Я понимаю, но помогите мне, я потеряла сон и вздрагиваю при каждом шорохе и стуке в доме. Скрипнет ступенька, мое сердце готово разорваться на части. Ветка скользнет по окну, я лечу к чулану, чтобы спрятаться.

– Чем же тогда я могу Вам помочь?

– Не знаю, – сжалась в комок посетительница. – Может быть, пришлете ко мне на квартиру агента, пусть побудет сегодняшней ночью моим телохранителем? Поручик, услышав мужской голос, ретируется и больше не будет меня беспокоить?

– Сомневаюсь, чтобы на безумца подействовал этот план.

Иван Дмитриевич вызвал помощника и тот пригласил дежурного чиновника. Путилин вкратце передал суть дела и поручил сопроводить даму домой, помочь в разрешении создавшейся ситуации.

После ухода дамы, переминаясь с ноги на ногу, в кабинете появился молодой агент.

– Иван Дмитриевич, есть известие, вчера в ресторане «Доротта» заказан самый большой и дорогой кабинет с ужином на десять персон, причем господин вел разговор непосредственно с хозяином, просил, чтобы остальная часть была закрыта для публики, но владелец не соблазнился большими деньгами и отказал.

– Добрая весть, – произнёс Путилин, – я думаю, это тот, кого мы разыскиваем.

Вечером, заехав за Нестроевым, Путилин с несколькими агентами направился в названный ресторан и занял соседний с заказанным кабинет. Было выпито несколько чайников чая, когда с улицы донесся шум. Подъехала большая компания.

Они вели, как дорвавшиеся до денег студенты, скинули шубы в фойе, со смехом поднялись в кабинет.

В потолок ударили пробки, и пенные струи вырывалась наружу, обдавая окружающих искрящимися брызгами игристого вина. Женские голоса перебивали грубый мужской говор.

Путилин смотрел на компанию сквозь отверстие в двери, имеющееся в каждом кабинете. Из компании он узнал молодого карманника, промышлявшего на галерее второго этажа Гостиного двора со стороны Невского проспекта.

– Петр Петрович, – спросил он у Нестроева, – Вы были в Гостином дворе перед пропажей денег?

– Да, – сказал провинциал.

– Случайно не со стороны Невского?

– Мне понравился вид, и я любовался проспектом.

– Понятно. Я покажу вам одного человека, видели ли вы его где—нибудь?

Нестроев посмотрел на веселящуюся компанию и с трудом признал карманника, который там, на галерее что—то ему рассказывал.

– Поздравляю, чудеса происходят на нашей земле, – улыбнулся Иван Дмитриевич, – это и есть искомый вор.

Дверь в кабинет резко отворилась. Игравший на рояли окаменел с растопыренными пальцами над клавишами, а танцующие пары застыли, словно куклы, заметив самого Путилина, за ним двух полицейских агентов и понятых.

– Господа, рад поздравить вас с Новым наступившим годом! – с улыбкой начальник сыска прошел к столу и окинул взглядом присмиревшую компанию, – я буду рад представить Вам господина, вот целую неделю ищет случая познакомиться с вами. Прошу любить и жаловать, господин Нестроев Петр Петрович, – и посмотрел в глаза к «карманнику», тот, молча, поднялся, подошел тяжелой походкой ближе и положил на стол кожаный кошель.

– Петр Петрович, это ваше?

Нестроев дрожащими руками схватил свою драгоценность.

– Да—да, и деньги здесь, – с волнением в голосе произнёс провинциал.

– Не обессудьте, господин хороший, но там не хватает двух тысяч, – сказал «карманник», – хотелось повеселиться, – и развел руки в сторону, – господин Путилин, заметьте, я отдал добровольно.

– Учту, всех в Сыскное.

Когда компанию увели, Петр Петрович чуть было не упал в ноги к начальнику сыска.

– Полно, вам, господин Нестроев.

– Без вас мне хоть в петлю полезай.

– Служба наша такая, будьте с деньгами поаккуратней. Жулья хватает везде, разрешите откланяться.

– Не побрезгуйте отужинать со мною, господин Путилин!

– Извините, Петр Петрович, но мне хотелось бы остаток ночи провести со своею семьею.

Направив агента к даме, над которой нависла смертельная опасность, Иван Дмитриевич направил туда же трех переодетых полицейских, чтобы наблюдали за домом. Напрасно они мерзли на морозе, ночь прошла без происшествий, а утром придя на службу, Путилин обнаружил принесенный пакет, в котором лежала сторублевая ассигнация и записка: «Покорнейше прошу передать агенту за беспокойство и усердие». Только спустя месяц полицейский признался, когда вошел в богатый дом он был поражен, что на две персоны сервирован стол.

– Прошу прощения, Дарья Николаевна, в котором часу может явиться Ваш поклонник?

– Какой поклонник? – удивилась дама.

– Да тот, что собирался Вас убить?

– Не знаю я никакого поклонника! – с улыбкой произнёсла хозяйка.

– Как не знаете? – остолбенел агент.

– Я пошутила, сидела в одиночестве, а сегодня праздник, вот и решилась прийти к Путилину разыграть сценку. Сочинила историю. Правдива ли была?

– А вы часом не актриса?

– Нет, Бог миловал.

– Но Вы же могли взбудоражить весь сыск…

– Что за удовольствие Вам разбираться в шутке бедной женщины. И знаете, – она улыбнулась, – не поверю, что Вам неинтересно находится в моем обществе.

Возразить было трудно.

Пороки человеческие. 1871 год

Весь день тяжелые тучи медленно плыли по небу, только под вечер пошел мелкий моросящий дождь. С улиц и без того пустых начали исчезать последние прохожие, остались только спешащие по делам или возвращающиеся домой, иногда пробегала фыркающая лошадь, понукаемая извозчиком.

Ванька, посыльный при купце Феропонтове, быстрым шагом, иногда переходящим в бег, спешил выполнить поручение. Обувка промокла насквозь, он чувствовал при каждом шаге неприятную мокроту. На Верейской улице он наткнулся на лежащего на земле человека и грохнулся в лужу, вымочив единственные штаны. На глаза накатились слезы.

– Ты чего, – только и сумел произнёсти он, шмыгая носом.

Обидно споткнуться о пьяницу в такой непригожий день.

– Домой бы шел, – он потряс за плечо лежащего, – дома небось теплее.

Человек не отвечал, только в распахнувшемся вороте показался глубокий разрез на шее, из которого уже перестала течь кровь.

Ванька отпрянул и заверещал детским неокрепшим голосом.

В прихожей раздался звон колокольчика. Шаркающей походкой, бранясь вполголоса, прошла Глаша,.

– Кого черти принесли, на ночь глядя?

Хотя до ночи было еще далеко, в сентябре не так рано темнеет, как петербургским зимним вечером.

– Иван Дмитрич, – раздался зычный Глашин голос, – Иван Дмитрич, помощник пожаловал по Вашу душу.

– Зови, – раздался хриплый голос хозяина квартиры.

Сам он поднялся с кресла и прохаживался по кабинету, в ожидании помощника. Тот не заставил себя ждать, он не мог привыкнуть к домашнему виду своего начальника, в особенности его веселил халат, в котором Путилин выглядел мелким помещиком, не знающим какое занятие найти себе на вечер.

Вошедший поздоровался и остановился на пороге.

– Здравствуй! – ответил на приветствие Путилин.

– Иван Дмитрич, на Верейской найден убитый, а на Екатерингофке утопленница.

– Веселый воскресный вечер, – произнёс хозяин дома и громко произнёс, – Глаша, где мой сюртук?

– Несу, несу, – раздался ворчливый женский голос, – куда на ночь глядя, неужто до утра не потерпеть, – она несла на вытянутых руках требуемую вещь.

– Не ворчи, – строго цыкнул Иван Дмитриевич, но по его лицу было видно, что он давно привык к ее постоянному бормотанию.

Уже сидя в коляске, Путилин спросил:

– Что за спешка такая?

– На Верейской, у четвертого дома найден убитый, я сам там не был, а со слов околоточного знаю, что горло перерезано от уха до уха. Его мальчонка нашел, бежал то ли с поручением, то ли домой, не знаю.

– Хорошо, – Иван Дмитриевич поднял воротник и пробурчал себе под нос, – однако ничего хорошего, – до места просидел в раздумье, опершись на трость, которую носил для солидности.

Моросящий дождь стал слабее, но заставлял поеживаться от холода. Михаил, помощник Ивана Дмитриевмча, открыл свой зонт, когда вышел из коляски на скользкую брусчатку.

Убитый лежал у стены, рядом валялся картуз. Лицо выражало спокойствие, словно смерть настигла его мгновенно, и он не успел понять, что душа покинула бренное тело.

Путилин опустился на корточки и взглянул на рану, повернув голову из стороны в сторону.

– Убийца подкрался сзади, рана больно тонка, скорее всего бритвой, – рассуждал он, шепча себе под нос, – слева направо, значит убийца правша. В карманах деньги, часы на цепочке. Ничего толком не взято. Кто он? – указал рукой на покойника.

– Глеб Данилов Петров, – ответил околоточный и добавил, – тут рядом в доходном доме Кулакова с женой проживает… проживал, – снял фуражку, перекрестился, – мясником был в лавке купца Смирнова на Гороховой.

– Так, кто его нашел?

– Ванька, посыльный при купце Феропонтове, испугался убиенного, у нас в околотке сидит сердешный, трясется, как осиновый лист. Оно и понятно, не каждый день убиенных находит, – снова рука сотворила крестное знамение.

– Хорошо, поговорим с нашедшим покойника. Потом посетим безутешную вдову, – спрятал лицо за воротником.

Ванька был лет десяти с задранным к верху маленьким носом, который беспрестанно утирал промокшим рукавом. Глаза просохли от слез, но на лице остались грязные следы.

– Здравствуй, – улыбнулся Путилин и присел на свободный стул, вытирая носовым платком руки, – как тебя зовут?

– Ванькой, – серые глаза с испугом смотрели в лицо начальника сыска.

– Стало быть, Иван, – произнёс Иван Дмитриевич, – вот что, расскажи теперь мне о своей страшной находке.

Мальчонка поежился и, не поднимая глаз, посмотрел на свои руки.

– Было так, – начал он свой рассказ, – бегу по поручению хозяина, хотелось побыстрее вернуться и к горячей печке прислониться, ведь дождь так и поливал, а у меня обувка прохудилась, – он показал на ноги, – замерзли—то мои кормильцы, вот я больше на дорогу поглядывал, а на Верейской из подворотни выскочил и об… об…, – мальчишка запнулся.

– Дальше.

– Об него и споткнулся, – он поднял голову, – я—то сперва подумал пьяный валяется и тормошу его, мол домой иди, там лучше, чем в луже спать, а у него… него… —мальчонка заплакал, вытирая грязными руками лицо.

– Ясно, – Путилин поднялся, большего ждать не приходилось, распорядился, чтобы мальчишку отвели домой, – теперь к убиенному на квартиру.

– Да тут недалече, – ответил околоточный, – через пять домов.

– Что ж, проводи, – Иван Дмитриевич надел шляпу, – хорошо бы и с соседями поговорить, – сказал, выходя на дождливую улицу.

Квартира убитого, где он проживал вместе с женою, находилась на третьем этаже.

Поднимаясь по лестнице, Иван Дмитриевич уже немного знал о семейной жизни несчастного, у входа сумел поговорить с дворником– татарином, который по секрету поведал, что к молоденькой женке убитого Варваре Тихоновне ходил юркий поляк и только в то время, когда мясник был занят своей работой, чем там они занимались он не знает, но у них, мусульман, за такие дела камнями бьют.

Дверь была открыта. Путилин прошел через небольшой коридор в светлую маленькую комнату. Хозяйка сидела на стуле. Только осунувшиеся лицо говорило, что на ее плечи свалилась нежданная беда.

Иван Дмитриевич поздоровался.

Хозяйка сидела, словно каменная статуя, в ответ не проронила ни слова, казалось, что даже перестали двигаться ее ресницы.

Начальник сыска остановился, внимательно осматривая столовую комнату, присмотрелся к недорогой мебели. Казалось, что хоть и обставлено без излишней роскоши, но с каким– то привитым только воспитанным в строгости женщинам уютом. Путилин молчал, изредка бросал взгляды на женщину, тяжело разговаривать с родственниками убитых, но мог появиться маленький след, чтобы хотя бы тронуться с места на пути поиска истины.

Только через четверть часа женщина произнёсла первые слова.

– Ему было больно?

– Что? – Иван Дмитриевич хотя и ожидал, но все таки вздрогнул от неожиданности. – А? Нет, нет, он не почувствовал боли.

– Мне сказали, что его убили посреди улицы, – ее глаза начали оживать, руками теребила складки синей юбки, – что сделали с Глебом Даниловичем?

– Могу сказать, что для вашего супруга столь печальное событие прошло незаметно.

– Бедный Глеб Данилович, бедный Глеб Данилович, – Варвара Тихоновна не причитала, а вела себя довольно спокойно, только тихонько шептала.

– Варвара Тихоновна, – в первый раз обратился начальник сыска к женщине, – Вы не знаете, куда направлялся ваш супруг?

– Сегодня с утра он был в лавке у господина Смирнова, вернулся, как раз часы стучали третий раз, – она указала рукой на стену, где отмеряли бег «ходики» с массивными гирьками, – но пришел посыльный…

– Вы его знали?

– Нет, лет десяти – двенадцати мальчик, он сказал, что хозяин просит быть снова в лавке в половину седьмого, товар должны привести. Глеб Данилович не любил опаздывать, начал одеваться без четверти и ровно в шесть, с последним ударом вышел из квартиры

– Благодарю, – Путилин задумался и спустя минуту спросил, – вы узнаете посыльного?

– Нет, не знаю, – женщина потерла рукой лоб, – я видела его только мгновение. Боюсь не смогу узнать.

– Хорошо.

– Иван Дмитриевич, – помощник ждал под навесом у входной двери, – полюбовника жены убитого зовут Бронислав Станкевич, проживает в доме Моргана, здесь рядом на Можайской.

– Любопытно, – вздохнул Путилин, воскресный вечер был испорчен, так хотя бы с пользой для дела нужно провести, – что ж, веди.

Впереди шел околоточный, показывая дорогу.

– Ваше Высокоблагородие, здесь можно дворами.

Иван Дмитриевич только кивал, не говоря ни слова.

Через десять минут поднимались по лестнице, отряхивая верхние уборы.

– Здесь они и проживают, – указал рукою на дверь.

Глухо прозвенел колокольчик, и дверь приоткрылась, сперва, маленькой щелью, но затем показалось лицо мужчины с короткой бородой.

– Добрый вечер, – произнёс начальник сыска, – нам нужен Бронислав Станкевич.

– Проходите, – сказал открывший дверь, заметив форму полицейского, – Броня дома.

Бронислав оказался высоким стройным молодым человеком с густыми черными волосами, аккуратно причесанными. Домашняя одежда выглажена до последней складочки, казалось, что этот человек не терпит неопрятности, педант до мозга костей. Помощник по выражению лица понял указание начальника и удалился разговаривать с родственниками Бронислава.

– Присаживайтесь, господа, – Станкевич развалился в кресле, закинув ногу за ногу, – чем могу быть полезен столь именитым гостям?

Путилин осмотрелся и присел на стул с прямой резной спинкой.

– Господин Станкевич, не будете, так любезны, рассказать, как вы провели сегодняшний вечер?

– Сегодняшний вечер? – брови молодого человека приподнялись, но в них Иван Дмитриевич заметил промелькнувшую искру не то интереса, не то насмешки. Путилин так и не сумел ее уловить. – А в чем собственно дело?

– Хотелось бы услышать сперва ваш ответ, а уж потом я поясню, чем вызван мой повышенный интерес к вашей персоне.

– Даже так? – Бронислав улыбнулся. – Сегодня я целый день провел дома, читал, немного писал, общался со своей семьей.

– Вы не выходили на улицу?

– Да, – глаза молодого человека блестели, словно он затеял опасную игру, – сегодня неподходящая погода для прогулок.

– Не расскажите: в каких отношениях вы находитесь с Варварой Тихоновной Петровой?

– Господа, а вам не кажется, что этот вопрос является бестактным и касается чести замужней дамы? – наигранные нотки возмущения звучали в словах молодого человека. – И по какому праву вы спрашиваете об этом?

– Прошу прощения, господин Станкевич, – спокойный тон Путилина, казалось, охладил пыл поляка, – но я спрашиваю не ради праздного любопытства, а по служебной надобности.

– Вы врываетесь в личную жизнь.

Иван Дмитриевич развел руками.

– Объясните же наконец, в чем дело?

– Хорошо, – тяжело вздохнул начальник сыска, пристально всматриваясь в лицо молодого человека, и отчеканил, – час тому назад муж вышеозначенной особы был убит на соседней улице.

Станкевич вскочил с кресла, лицо выражало растерянность, но в глазах был виден только холодный взгляд.

– Как убит? Не может быть! – он прошелся по комнате, – этого не может быть!

– Успокойтесь, – начальник сыска внимательно наблюдал за Брониславом, – присядьте и ответьте на ранее заданный вопрос: в каких отношениях вы с вышеназванной особой?

– Мы молоды, – покраснел молодой человек, – в очень близких отношениях. Вы понимаете?

– Да.

– Вы думаете, что это я…, – Станкевич выдержал театральную паузу и закончил, – его убил.

– Нет, – горькая улыбка появилась на губах Путилина, – я должен провести дознание и установить злодея, отнявшего жизнь у ближнего.

– Да, да, но причем здесь я? Мы с Варварой любим друг друга, но волею судьбы она принадлежит другому, но это не значит, что я готов пойти на преступление.

– Я так не утверждаю, мне надо найти истину. Когда вы виделись последний раз?

– Три– четыре дня тому.

– Спасибо, господин Станкевич, если вы мне понадобитесь, я пришлю за вами.

– Да, да.

– Разрешите откланяться, – Путилин церемонно поклонился.

Иван Дмитриевич тяжело спускался по лестнице, помощник ждал внизу.

– Чем обрадуешь?

Помощник почесал затылок.

– Родные говорят, что весь день был с ними, никуда не отлучался, только…

– Что только?

– Муж сестры говорил, что с Брониславом у них вышел маленький конфуз. Молодой человек заперся в туалетной комнате и довольно много времени там провел.

– Это что—то.

– А у вас какие новости? – поинтересовался помощник.

– Странно то, что у столь ухоженного человека, следящего за своим гардеробом и своей внешностью, на нижней части домашних брюк пятна уличной грязи.

– Он? – поинтересовался собеседник.

– Может быть, может быть, пока не будем бросаться за ним, как гончие, но из виду не упустим. Пока найди—ка мне мальчишку– посыльного, хотя я думаю уже поздно.

– И мальчишку?

– Скорее всего, – невесело голос звучал Путилина, он надел шляпу, – найди.

Сам Иван Дмитриевич отправился с околоточным, вначале они осмотрели черную лестницу, потом прошлись по проходным дворами, было уже поздно, когда он вернулся к себе домой. Забылся сном только под утро, одолевали мысли.

Хотя, вроде бы, и не спал. Но вполне бодрый утром вошел в свой кабинет с большим портретом Государя на стене. Тревожно было на душе от предчувствия чего—то нехорошего, хотя столица всегда преподносит постоянные сюрпризы, вот снова в Парголове продолжаются злодеяния. Пора взяться всерьез за вновь образованную шайку. Обер—полицмейстер генерал—лейтенант Трепов учинил недавно нешуточный разнос, что не только кровь стыла, но и шкура задубела от обидных слов, а здесь новое убийство.

Дверь приоткрылась и в ней показалась голова помощника.

– Выдеру тебя когда—нибудь, – пробурчал Путилин, сознавая, что своего верного подчиненного не изменить, все равно стучать не будет.

– Иван Дмитрич, – голос дрогнул, – мальчонку нашли.

– И?

– Нашли в подвале.

– Горло?

– Да, – помощник понимал начальника с одного слова.

– Поехали.

Щуплый ребенок в поношенном кургузом пальтишке лежал в темном углу подвала, заваленного всяким ненужным жильцам хламом. Улыбка на лице была по—детски беззаботной, не предвещающей трагического конца, только остекленевшие глаза упрямо смотрели в низкий потолок. Горло перерезано чуть ли не до позвоночника молниеносным движением, когда ребенок его не ожидал. В руке зажат серебряный рубль, заплаченный за работу посыльным. Крови натекло много, казалось, пол покрасили в черный цвет.

– Жалко ребенка, – Путилин, сняв шляпу, перекрестился, – чего его понесло сюда?

– Иван Дмитрич, скорее всего он знал своего убийцу.

– И знал, и доверял, свидетель ему не нужен был. Узнали: кто он?

– Нет, не местный. Даже околоточный его не знает, попробуем найти.

Начальник сыска потер переносицу пальцами.

– Вот что, узнай, – он прошептал на ухо помощнику новое задание, чтобы не услышали окружающие.

Только вечером помощник, мокрый от льющего на улице дождя, но радостный и с чувством полностью выполненного задания не вошел, а прямо таки влетел в кабинет Путилина.

– Иван Дмитриевич, вы правы, я нашел родителей мальчика там, где вы сказали.

– Сначала присядь, – улыбнулся начальник сыска, – и докладывай по очереди.

– Так, – выдержал паузу помощник, – мальчишку звали Семеном, одиннадцати лет, прислуживал в трактире на 3 линии.

– Как я и предполагал.

– Вчера он отпросился у хозяина в полдень и не вернулся.

– И больше не вернется, – устало добавил Путилин.

– Иван Дмитриевич, привезти супостата?

– Нет, – повертел в руках сложенный листок бумаги, – я сам поеду.

Через полчаса Путилин сидел на том же стуле в квартире Станкевича, что и вчера, только у Бронислава поубавилось скрытой радости и в глазах не блестели озорные искры. Взгляд стал серьезнее, лицо осунулось, словно тяжкий груз давил на поникшие плечи.

– Я вас слушаю, – произнёс молодой человек, утопая в кресле.

– Господин Станкевич, вы сказали, что вчера целый день провели дома?

– Это так.

– А как вы объясните, что в половину четвертого вас видели во дворе 2 дома по Верейской? – Путилин намеренно назвал другой дом и другую улицу, не тот, где был найден мальчик.

– Не может быть, – улыбка скрасила губы Бронислава, напряженность исчезла на его лице, и он пожал плечами, – мои родные подтвердят, что я провел вчерашний день исключительно дома.

– Хорошо, а вечером в шесть часов?

– Простите, но я говорил, что никуда в течении дня не отлучался, тем более вечером, еще я говорил, что на меня дождь наводит меланхолическое настроение, – молодой человек не выдавал своего волнения.

– Я понимаю, – склонил голову Иван Дмитриевич и поднес к груди руку, – но поймите, служба. Я вынужден искать преступника, именно поэтому мне приходиться задавать множество вопросов.

– Что ж, я готов повторять свои ответы, – снисходительные нотки появились в голосе Бронислава и он с сарказмом продолжил, – если того требует ваша служба.

– Ценю ваше понимание.

Молодой человек свысока смотрел на сидящих перед ним.

– Еще несколько вопросов.

– Извольте.

– Скажите, господин Петров знал о вашей связи с его женой?

– Я думаю, – Бронислав задумчиво уставился на шляпу Путилина, – можно сказать, что скорее всего, догадывался да и соседи могли нашептать.

– Это вас не беспокоило, ведь вы компрометировали замужнюю женщину?

После недолгого молчания молодой человек произнёс.

– Мы с Варварой были ослеплены любовью.

– Но соблюдали осторожность?

Его взгляд впился в начальника сыска и прямо таки обжег появившейся ненавистью.

– Вы не ответили?

– Я не хотел принести Варваре неприятности.

– Господин Петров ссорился с женой.

– Она не говорила, но насколько я знаю, он всегда был с нею довольно любезен и никогда ни в чем не упрекал.

Путилин поднялся.

– У меня больше нет вопросов.

Молодой человек вскочил на ноги, по лицу мелькнула тень облегчения.

– Я надеюсь, что больше вопросов ко мне не возникнет. Видите ли мои родные и соседи с недоверием начали смотреть на меня, подозревая во всех смертных грехах.

– Не найдется ли у вас времени проехать со мною но Офицерскую, подписать некоторые бумаги?

– Если это необходимо, то я готов, только накину сюртук и пальто.

Через несколько минут они ехали в пролетке. Дождь прекратил свое неистовое падение к земле.

Молодой человек сидел прямо, только глаза устало смотрели на остающиеся позади дома.

– Господин Станкевич, а Семен, остался таки, жив, – Путилин внимательно смотрел на Бронислава, тот вздрогнул, побледнел и прошептал:

– Не может быть, я же сам видел… – молодой человек понял, что невольно себя выдал, от досады прикусил нижнюю губу до крови.

Путилин отвернулся.

– Иван Дмитрич, – помощник сидел напротив с удивленными глазами, – я понимаю многое, но, чтобы человек по собственной воле признался в преступлении, когда о его невиновности говорят окружающие?

– Нет ничего проще, – устало произнёс начальник сыска, – ты всего не знаешь.

– Но, Иван Дмитрич, расскажите.

– Хорошо. Помнишь, мы приехали на место преступления, в карманах убитого ничего не было взято. Значит, ограбление отпадает. Убийца шел позади. Удар нанесен правой рукой слева направо бритвой, никто не прикоснулся к одежде, ведь убийца опасался, что капли попадут на него, ведь кровь брызнула ручьем. Он сразу же сбежал, значит. не мог в каком–либо месте ни отстирать, ни выбросить одежду, ибо не должен привлекать внимания сменой гардероба. Потом таинственный мальчишка посыльный, которого хозяин лавки в глаза не видел. Убийца должен был выманить господина Петрова к определенному часу, чтобы тот следуя своим ежедневным маршрутом, в определенный час был в определенном месте.

– Понятно, а дальше наш пострел везде поспел.

– Так точно, он и пошел в туалетную комнату, чтобы исчезнуть с глаз родных, но чтобы они подтвердили, да, были вместе, чай пили, обедали, в карты играли, но это не важно. Здесь мне помог конфуз с мужем сестры, а дальше пока ты разговаривал с родными нашего душегуба, я рассмотрел пятнышки грязи на его образцово—чистых домашних брюках. Поэтому он стал в подозрении номером первым. Он рассчитывал, что мы придем к нему не скоро либо вообще не придем. Если даже мы и сможем узнать о связи жены господина Петрова, не пойдем же мы, на ночь глядя, спрашивать его об этом. Кстати мы с околоточным прошли тем маршрутом, которым Станкевич бежал для исполнения своего замысла. Он действительно выбрал удачное место, его никто не мог увидеть.

– А посыльный?

– Он к этому времени уже был мертв. Я послал тебя на Васильевский остров только с одной целью, узнать о мальчике. Убийца не мог нанять местного, значит только в том месте, где его знают и есть маленькие половые. В том трактире наш молодой человек обедал. Шепнул мальчику, что тот может заработать целковый. Никто родных не спрашивал, исчезал ли наш убийца между тремя и четырьмя часами.

– Жалко мальчонку.

– Да, жаль.

– Станкевич вроде бы воспитанный молодой человек, что толкнуло его на преступление? Любовь?

– Нет, дорогой мой, элементарная жадность, наш душегуб от влюбленной в него женщины узнал, что господин Петров месяц назад стал единственным наследником двоюродного дяди, умершего бездетным и сколотившим неплохой капитал, это я узнал пока ты искал мальчика. Так что все просто, золото пожирает человеческие души, а жадность один из неисчезающих пороков…

Женское счастье. 1872 год

Егор Емельянов скрежетал зубами, выслушивая приговор в петербургском столичном съезде мировых судей. «Семь дней заключения за что? За этого прыщавого студента? Семь дней! – он качал головой. – За нанесение побоев, – передразнивал, неслышно бормоча губами, – умеют выражаться господа, недаром повыучивались в университетах заумным словам. А что я сотворил? Ну, врезал этому! Побои, побои! Семь деньков в каталажке, семь!» Злость душила Егора. Не покажешь же господам судьям свое недовольство, не то за неуважение еще денечков накинут, а это ему не к чему, и так хозяин бани будет недоволен, неровен час выставит за дверь, а дома молодая жена. Ох, плохо все, плохо.

Неделю назад Егор, служащий в банях Соловьёва, устроил потасовку со студентом Смирнитцким. Особой– то причины и не было, слово за слово, и в дело пошли кулаки, а Емельянов – человек горячий, становился невоздержанным, когда задевали. Хозяин ему работу дал за исполнительность и за то, что не потреблял проклятого зелья, даже разрешил жить при банях.

Вчерашним днем Егор должен был явиться в съезжий дом для отбытия наказания, но накануне, неожиданно с досады впервые загулял перед недельной отсидкой и явился только вечером следующего дня после напоминания околоточного Степана Андреевича. Да и то только часов в десять пришел в управление второго участка, где был посажен в камеру после заполнения необходимых при этом бумаг. Егор был возбужден, глаза бегали и все твердил, что жена проводила его и сидит в коридоре, но сей факт полицейских не интересовал, а вот волнение взяли на заметку.

А наутро в Петровском парке на берегу речки Ждановки заметили плывущую одежду, когда же достали, обнаружили утопшую женщину крепкого сложения, по виду лет двадцати, которая была опознана присутствовавшими при осмотре, как Лукерья Емельянова. При вскрытии тела в анатомическом театре выяснено, что смерть последовала в результате удушения, только потом брошено в речку, дабы усмотрено было самоубийство.

Иван Дмитриевич стоял у окна и опирался на подоконник, окидывая рассеянным взглядом раскинувшуюся перед ним Офицерскую улицу. Сентябрь выдался в этом году солнечным, осень не спешила вступать в свои права, петербургская слякоть была впереди.

Начальник сыска повернулся и сел за рабочий стол, начал внимательно просматривать новые распоряжения обер– полицмейстера.

– Иван Дмитрич, – прилизанная голова помощника заглядывала в открытую дверь, и, как всегда, без стука, – на Ждановке утопшую выловили, сперва показалось, что себя сама жизни лишила, но доктор говорит иное, помогли женщине.

– Хорошо, – встал из—за стола, – проедемся в анатомический театр, поговорим с доктором. Сейчас спущусь.

Через полчаса Путилин стоял с нахмуренным лицом около металлического стола, на котором лежало тело молодой красивой женщины.

– …после пребывания в воде след от тонкого шнура на шее потемнел, – объяснял медик, – в легких не найдено воды, а это означает, сперва женщина была задушена, а уж потом брошена в воду…

Только на улице начальник сыска надел шляпу.

– С чего начинать? – поинтересовался помощник.

– Как всегда, с опросов, – пожал плечами Иван Дмитриевич.

– Так куда же направимся первым делом?

Путилин на миг задумался, рукой снял с плеча несуществующую пылинку.

– Где жила утопленница? При банях? Значит туда и поедем, начнем выяснять… – он посмотрел на небо, – хороша– то погодка, совсем не петербургская. Ни единого облачка, благодать, – причмокнул с последним словом. – Хотя, – Иван Дмитриевич провел рукою по щеке, – где ранее проживала наша утопленница?

– В доме артельщика Одинцова комнату делила с Суриной, – помощник порылся в карманах и достал маленькую книжицу для записей, полистал ее и, найдя нужную страницу, произнёс – да, верно, она проживала у артельщика Одинцова в Ждановском переулке с Аграфеной Суриной, двадцати двух лет.

– Аграфена говоришь? – Путилин задумался. – Вначале к ней, а мужа известили о смерти жены?

– Я просил до Вашего приезда не сообщать.

– Это верно.

Иван Дмитриевич замолчал, помощник стоял тихонько, казалось, что дышать стал тише, не тревожа мыслей начальника.

При доме артельщика, где ранее проживала утопленная женщина, была большая прачечная, где занимались глажкой белья и Аграфена, и Лукерья. Околоточный Григорьев уже ждал, прохаживаясь вдоль дома, как будто знал, что начальник сыска именно сюда приедет опрашивать соседей.

– Здравия желаю! – вытянулся во фрунт Степан Андреевич.

– Здравствуй, – произнёс Путилин.– Уже знаешь, что Емельянова была убита?

– Никак нет, – околоточный бросал удивленные взгляды то на Ивана Дмитриевича, то на его помощника.

– Теперь знаешь, – начальник сыска пошел вдоль дома, на шаг сзади тяжело ступал грузный околоточный. – Расскажи—ка мне про Лукерью.

– Лукерья, – Степан Андреевич кашлянул, – баба справная… была, разговаривала мало, все молчком, жила тихо с сестрою, с парнями не путалась, хотя из себя видная, на лицо красивая. Обвенчалась с Егором месяц тому, но вышла нехорошая история после их обручения, – Григорьев пожевал ус.

– Говори, не тяни.

– На следующий день после обручения к батюшке явилась Аграфена Сурина и заявила, что два года состоит в связи с Емельяновым и имеет препятствие ко вступлению его в брак с другой. Священник сразу оповестил Егора и сказал, что не будет совершать обряда, пока они с Аграфеной не придут к согласию. Жених пятидесятью рублями серебром, взятыми у приказчика Сазонова, откупился от Суриной.

– А дальше?

– Батюшка совершил обряд, через неделю Лукерья перешла жить к Егору, тот при банях Соловьёва в услужении, а ночью за сторожа, но последнее время Егор ходил очень уж недовольный – чем не знаю, в душу—то не влезешь.

– В трактиры он ходил?

– Нет, зелья не потреблял.

В большой комнате, куда они прошли, стояло множество чанов, над которыми клубился белый пар, в следующей десяток женщин гладили белое белье, здесь же ровными рядами лежавшее на вычищенных до блеска столах. Стоял запах свежести.

– Которая из них? – обратился Путилин к околоточному.

– Вон та в углу, – кивнул Григорьев на статную молодую женщину в белой сорочке со следами усталости на лице, – и есть Аграфена Сурина.

Женщина подняла глаза и с испугом посмотрела на вошедших. Околоточный кивнул ей головою и поманил к себе. Аграфена вытерла о подол юбки руки и неторопливым шагом подошла.

– Степан Андреич, что за надобность привела? – посмотрела на господина в дорогом пальто, хотела улыбнуться, но улыбка вышла какой—то вымученной, настороженной.

– Вот гостей к тебе привел. Хотят пораспрашивать тебя.

– Это ж с удовольствием, ежели обо мне, – глаза холодно блестели, отделяясь от пришедших заведомо непроницаемой стеной.

– Где же можно присесть?

– У Одинцова кабинета есть, там и чаем угоститься можно.

– Не до чая, – отрезал Путилин, – веди.

Через минуту Иван Дмитриевич сидел рядом с большим столом хозяина. Напротив, на краешке стула, как птица на жердочке, приткнулась Аграфена, понурила голову и разглаживала руками юбку, выдавая волнение.

Помощник Путилина показал присутствующим в комнате околоточному и хозяину, мол, надо выйти, чтобы Иван Дмитриевич побеседовал с женщиной с глазу на глаз.

– С утра до вечера размахивать утюгом не тяжело?

– Мы привычные, – собеседница замолчала.

– Не буду лукавить, – голос начальника сыска хоть и звучал тихо, но в нем звенели металлические нотки, – твоя соперница, – Аграфена подняла голову, – утонула в Ждановке и не просто утонула, а ей помогли. Я должен найти убийцу и не остановлюсь ни перед чем, чтобы злодей был наказан.

– Я… – женщина не всхлипнула, не округлила глаза и даже не вздрогнула от новости, а просто поднесла руку к сухим глазам, тяжело вздохнула и почти шепотом, но выговаривая каждое слово, произнёсла, – я знаю, кто лишил Лукерью жизни.

– Это Егор?

– Да.

– Что вчера случилось?

– Не вчера, а давно. Два года мы с Егором сожительствовали, не скажу, что счастливо, бивал он меня иногда, то ли из ревности, то ли по еще какой причине, но лицо приходилось прятать, а два месяца тому повздорили мы серьезно. Он взял да Лукерье и предложил обвенчаться, чтобы мне побольнее сделать, а та и ухватилась за такого жениха. Деньги у него водились, не последний человек у Соловьёва. Вот они месяц назад и решили к батюшке пойти, а я со зла помешать им решила, так Егор от меня откупился. На что мне его деньги, так, баловство с моей стороны, а через неделю после венчания он мне в ноги бросился, мол, бес попутал и снову предложил полюбовницей его стать. Ну мы и согрешили в Зоологической гостинице, что у Мытного перевоза. Егор же житья Лукерье не стал давать, со студентом он потасовку учинил по этой же причине. А вчера, когда пошел в съезжий дом, так и жену с собою взял, чтобы проводила, и там в парке…

– Аграфена, мне правда нужна, – Путилин такого хода событий и ожидал, но что—то ему не нравилось, – ты сама видела, как Егор утопил жену?

– Я рядом не была, а стояла у дома Этингера.

– Хорошо, а дальше что было?

– Егор ко мне побежал, я испугалась и убежала к себе домой. Боязно стало.

– Как он ее убил?

– Руками задушил, она даже не крикнула, потом бросил в воду, там не глубоко и берег хоть не высокий, но крутой.

– Хорошо, Аграфена, который был час?

– Уже темнеть начало.

– Так, Аграфена, никому ни слова.

– Я буду молчать. А что ему будет?

Взгляд Путилина был красноречивее слов.

– Иван Дмитрич, – прошептал на ухо помощник, – здесь сестра убиенной проживает.

Сестра Лукерьи была молодой девушкой лет семнадцати с толстой длиной косой и румянцем на щеках, только краснота глаз говорила, что недавно слезы текли по ее лицу.

Путилин отвел девушку к единственному окну в небольшой комнате.

– … Не хорошо после венчания они жили, – говорила девушка, смотря в глаза расспрашивающего, – прожили – то только месяц, а Егор совсем начал сестру изводить, все укорял, что, мол, порченной он ее взял, а она девицею была, простыня в крови после первой ночи, но он и слышать не хотел, последнее время твердил, что иди мол, не хочу с тобою жить, когда он ее увидел в непотребном виде с хозяином. Она только слезой в ответ умывалась, вот и провожать заставил, как будто не на неделю, а на долгие годы уходит. Не послушала бы она его, – по щекам потекли две соленые полоски.

– Значит, жизни не давал сестре, а почему она согласилась на венчание?

– Так он непьющий, с руками, а что бабе надо, чтобы мужик достаток в дом приносил, а там и слюбится, – отерла рукавом слезы. – Не век же в одиночестве, да и детишек она любила, – слезы высохли и блеснули глаза.

– Если она девицей была, что же сразу связалась после замужества с хозяином?

Сестра помолчала и ответила:

– Так ведь Егор снова спутался с Аграфеной, клялся Лукерье до венчания, что из сердца вырвал, ан нет. Мешала сестра Аграфене, мешала.

– Хорошо, – кивнул Путилин.

– Пока Вы с сестрою беседовали, – произнёс помощник, когда спускались по лестнице, – я с кухаркой господина Одинцова. Интересное мне рассказала.

– Веди, – только и произнёс Иван Дмитриевич.

На большой кухне маленькая толстая кухарка терялась среди двух печей, в руках теребила белое бумажное полотенце.

– Расскажи господину Путилину, что мне говорила.

– Я– то что, – звучал приятный мелодичный голос, – с утра, как приступила Аграфена к работе, я несколько раз ходила в гладильню, а она в большом волнении, точно помешалась. Не раз за утро у меня, да и не только у меня спрашивала, не видели ли сегодня Лукерью. Она не пришла с утра, как всегда. Потом уж спрашивать начала, не выловили ли утопленницу из речки.

– Сама спрашивала?

– Сама, только потом, когда Лукерью в часть повезли, и мы узнали об утопшей, Аграфена спокойной стала, даже бровью не повела, словно заранее знала о смерти. Я же возьми и скажи: «Не ты ли с Егором утопили?». Она и отпираться не стала, видела, говорит, как Егор ее у воды тискал.

– Занятно, – произнёс Иван Дмитриевич, – значит, Егор помог жене.

– Он, окаянный, он, – кивала кухарка, – как оженились, так ей, бедняжке, и житья не стало, ведь только с месяц она к нему переехала.

Вышли на улицу.

– Теперь покажи– ка мне, – сказал Путилин, – где дом Этингера и где найдено было тело.

– Хорошо.

Иван Дмитриевич шел молча. Только считал шаги. Оказалось, что от дома Этингера, где стояла Аграфена до места, где нашли утопленницу, было двести с гаком шагов. Тропинка вилась вдоль речки среди невысокого кустарника, к тому же вечером, когда начинало смеркаться, парк пустел.

– Иван Дмитрич, что мы ищем? – спросил помощник. – Дело и так ясное. Муж избавился от постылой жены, – пожал плечами.

Путилин остановился.

– Дело ясное, как ты говоришь, но слишком оно складывается просто. Муж убивает жену в первый месяц семейной жизни, есть о чем подумать. И зачем выдавать Аграфене Емельянова, если они вновь сошлись, ей же только на руку смерть соперницы. Она должна защищать всеми силами своего суженного, ан нет, она его выдает со всеми потрохами, как телка на базаре. Если же она повинна, то зачем спрашивать в гладильне об утопленнице, когда она еще не была найдена? Вот сестра вроде бы защитницей Лукерьи выступает, но тут же, нехорошее рассказывает и Аграфену невзначай к убийству пристегивает. Все запутано в клубок, его—то нам надо распутать.

– Но… а как же рассказы?

– Пока не знаю, но надеюсь, – Иван Дмитриевич лукаво подмигнул помощнику, – с твоей помощью докопаемся до истины.

Второй участок располагался на Малом проспекте, недалеко от Петровского парка. Крепкое двухэтажное здание с крыльцом в три ступени и металлическим узорным над ним навесом.

Ивана Дмитриевича встретили у входа, были наслышаны о приходе начальника сыскной полиции. Предоставили для разговора большой кабинет с двумя окнами, выходящими на проспект.

– Здравствуй, Егор! – приветствовал Иван Дмитриевич, занимая чужой стол.

– День добрый! – вошедший мял в руках картуз, робея перед высоким начальством.

– Присаживайся, – Путилин указал на стоящий у стола деревянный стул.

– Покорнейше благодарю, – произнёс Егор.

– Какие пожелания?

– Что? – он удивился. – Первый день моего ареста. Не привычный я к решетчатым окнам.

– Человек всегда свободы хочет, не надо было с кулаками бросаться на посетителей.

– Так слово – серебро, молчание – золото. Вот свое золото я и упустил.

– Хорошо, кто тебя вчера до участка провожал?

– Так жена моя Лукерья, ведь на целых семь дней лишили меня семейного счастья.

– Не страшно ее, на ночь глядя, одну домой отпускать?

– Привычная она, вечером от артельщика возвращается, и ничего.

– Да ничего, – Иван Дмитриевич пристально смотрел в глаза Егора. – Вчера Лукерья утонула.

– Как? Как утонула? – Егор вскочил со стула, было видно, что на лице появилось неподдельное удивление.

– Стал ты вдовцом, Егор. Поведай о вчерашнем дне.

Емельянов побледнел, в глазах светилось непонимание.

– Как же так. Она сама?

– Рассказывай.

– Вчера с утра я должен был явиться в арестантскую, но только к вечеру все дела сделал да Степан Андреич, наш околоточный, приходил и грозился добавить к неделе еще парочку деньков. Вот я вечером и пошел.

– Так, а где Лукерья была?

– Как хорошая жена, пошла меня провожать.

– Что за крики были у тебя в комнате?

– Дак, не хотела она идти, вот и пришлось ей кулаком внушить, что убоится жена мужа своего.

– А дальше?

– Пришли в участок.

– Какой дорогой шли?

– Через парк там ближе.

– В парке ты не скандалил?

– Нет, она шла за мною, как привязанная, все молчала.

– Хорошо.

Когда Емельянова увели в камеру, Путилин спросил у околоточного:

– В котором часу пришел Егор?

– В бумаге указано десять часов.

– Так, а жену его видел?

– Никак нет, не обратил внимания, хотя, – Степан Андреевич задумался, – в коридоре женщина была. Я видел ее мельком, молодая с цветным платком на плечах.

– Не признаешь?

– Нет.

– Так, – Иван Дмитриевич задумался.

На улице Путилин резко остановился, словно вспомнил что—то важное, похлопал рукою по лбу.

– Ну и ну, – произнёс, качая, головой, – вот такого поворота я не ожидал. Пошли, мне надо увидеть Аграфену. К ней возникли вопросы.

– А кто убийца? – помощник прищурился в ожидании ответа, зная Ивана Дмитриевича не первый год.

– Потом узнаешь, – быстрым шагом шел в сторону парка, – потом узнаешь.

Аграфена гладила простыни, когда к ней подошли. Глаза задумчиво смотрели на дымок, тянущийся из утюга.

Она вздрогнула, увидев Путилина, и закрыла лицо руками.

– Простыню сожжешь, – проговорил Иван Дмитриевич и поставил утюг на подставку, подошел ближе и что—то тихо ей прошептал, Аграфена кивнула в ответ. Он вновь что—то спросил, она снова кивнула.

– Теперь картина ясна, – произнёс начальник сыска, – только не пойму причины, толкнувшей ее на столь ужасное преступление.

– Это Аграфена? – сказал помощник.

– Когда женщина совершает преступление – это гнусно, – Путилин говорил, словно не слышал слов собеседника, – но когда и жертва – женщина, это становится ужасней во сто крат.

– Ее арестовать?

– Кого ее? – нахмурил брови Иван Дмитриевич.

– Аграфену, – удивился помощник.

– Зачем?

– За убийство.

– Ах вот что, – Путилин рассмеялся, – нет, голубчик, бери сестрицу убиенной, и на Офицерскую. Я сам скоро туда подъеду, только задам один вопрос нашему вдовцу.

Со стены грозно взирал на сестру убитой Государь Император, под ним, подперев рукою щеку, сидел на своем излюбленном кресле хозяин кабинета, грустным взглядом смотрел на зардевшееся румянцем лицо.

– Дарья, – обратился к девушке, – мне все известно.

Сидевшая даже не вздрогнула, только покраснела.

– Не пойму одного, зачем сестру жизни лишать?

– Если бы не она, Егор был бы мой, – наконец послышался ее голос.

Путилин покачал головой.

– Сестра ведь, родная сестра.

– Она мешала моему счастью.

– А где шнурок?

– В комнате Аграфены.

– Понятно.

Дарью увели, помощник присел на стул, где до него сидела девушка.

– Иван Дмитрич, я не понимаю, как Вы догадались?

– Знаешь, девушка слишком молода, продумала многое, да не все. Действительно Лукерья провожала мужа в участок, а посодействовала этому сама же Дарья. Она же вызвала Аграфену из дома, будто Егор ее ждет у дома Этингера в десять часов, в сумраке не видно, кто душит, тем более, что она одела Егоров картуз, сама накинув шнурок на шею сестры, ее задушила. Аграфена испугалась и самого убийства, и за Егора, убежала. Ее вечером видели растрепанной и словно бы помешанной, да и утром она подлила масла в огонь своим поведением и расспросами. Тем более шнурок, помнишь, нам доктор говорил, что на шее тонкий след, найден в комнате у Аграфены. Дарья рассчитывала, что Аграфена со зла расскажет про Егора, но кто поверит женщине после его уходов от нее и их сожительства.

– К чему все это? – удивился помощник.

– Как не странно, но Егор сошелся с нею недели две назад, и Дарья возомнила, что сразу двух убьет зайцев – сестру, сделав Егора вдовцом, и Аграфену, посадив ее за убийство. Подозрительным было, что в конце нашего первого с ней разговора, она начала оговаривать Аграфену.

– А вдовец?

– Что ему, если женщины к нему липли, словно мухи. Каждая из них хочет счастья только самой себе, маленького женского счастья.

Жертвы поневоле. 1873 год

Экипаж остановился, улицу перегородила телега. Крестьянин с испугу бегал вокруг лошади и создавал больше сутолоки, чем стремления побыстрее освободить проезд.

– Я его, – поднялся со скамьи экипажа городовой, присланный в качестве посыльного из 3 участка Спасской части.

Иван Дмитриевич удержал полицейского, положив руку на плечо.

– Вот, что, голубчик, расскажи еще раз, что стряслось.

– В седьмом часу, – городовой, чувствуя неудобство сидения перед начальником сыскной полиции, порывался встать, но не имел возможности, поэтому краснел, словно девица, – ко мне подбежала женщина и рассказала, что в чайной Ащихмина совершено убийство. Я, согласно инструкции, осмотрел комнату, в ней убитая женщина и три ребенка, занял пост у дверей чайной, чтобы туда никого не пускать и послал за приставом и доктором. Господин Крутулевский прибыл первым.

Это доктор, – уточнил Путилин.

– Так точно, он осмотрел трупы и распорядился отправить двух детей в больницу, так как они еще дышали.

– Далее.

– Вслед за доктором прибыл господин пристав.

– Константин Кириллович?

– Так точно, господин Галатов и ихний помощник.

– Если не ошибаюсь Людомир Карлович? – Путилин всегда держал в голове не только фамилии, чин, но и имя и отчество не только приставов. но и их помощников, а иной раз и фамилии делопроизводителей.

– Ваша правда, – произнёс городовой, но тут же себя поправил, – так точно, Ваше Превосходительство, – полицейский присвоил Ивану Дмитриевичу следующий чин по табелю о рангах.

– Я же, голубчик, тебе сказал называть меня Иваном Дмитричем, – Путилин смотрел на суетящегося крестьянина, справившегося с лошадью и теперь сворачивающего в маленький переулок.

«Опять застрянет!» – мелькнуло в голове начальника сыскной полиции, но он тут же посмотрел на робевшего городового.

– Так точно, Ваш… Иван Дмитриевич, – полицейский выговаривал четко каждое слово.

– Какой год в полиции?

– Шестой. Ва… Иван Дмитриевич.

– Из отставных?

– Так точно.

– Всякого пришлось повидать на прежней службе?

– Не без того, – улыбка вышла на лице вымученной, – когда на армейской службе кровушка льется, то привыкаешь, а тут. – он хотел махнуть рукой, но сдержался, не посмел в присутствии статского генерала.

– Здесь тоже война, – Иван Дмитриевич помял пальцами переносицу, – только жизнь стоит дешевле, за медный грош иной раз горло режут.

Городовой молчал.

С Гороховой извозчик свернул на Садовую.

Над крышами домов поднялось солнце и не предвещало несчастья, редкие облака лениво ползли по небу, день обещал быть светлым и теплым, все—таки май подходил к концу.

В Апраксином переулке напротив чайной Ашихмина толпилось десятка два любопытных, в пол голоса переговаривающихся между собой. Убийство обрастало несуществующими подробностями и становилось более кровавым и жестоким. Три полицейских стояли у входа, не позволяя любопытствующим заглядывать в чайную через открытую дверь, но было видно только темное помещение.

Первым с подножки экипажа спрыгнул помощник Путилина Жуков, любопытно было другое, что за всю дорогу словоохочий Миша н произнёс ни слова, словно в рот воды набрал. Не иначе, либо не проснулся, либо приготовился к кровавой картине.

Вслед за помощником спрыгнул городовой, Путилин спустился степенно, как подобает большому чиновнику и, размахивая тростью, направился в чайную.

– Кто это приехал? – раздался тихий голос в толпе.

– Начальник сыскного.

– Иш ты!

– Сам Путилин, значит, дело нешуточное.

– Вот те на…

Дальше голосов Путилин не слышал, а шагнул в темную комнату.

– Иван Дмитрич, – раздался хриплый голос майора Галатова, – день добрый, – он кашлянул и протянул руку для приветствия.

Путилин почувствовал крепкое пожатие пристава, рядом с ним стоял моложавый человек в отутюженном кителе.

– Капитан Бирон, – представился он.

– Людомир Карлович, а ведь мы заочно знакомы по делу на Садовой, – произнёс Иван Дмитриевич, пожимая руку помощнику пристава, который не подал виду, что ему приятно, сам начальник сыскной полиции знает его не только фамилию, но по имени, отчеству. – Мой помощник Жуков, представил спутника полицейским.– Что стряслось? – Путилин тяжело вздохнул, давая понять, что приехал не ради знакомства.

– Убийство, – коротко выдавил из себя пристав и с таким шумом втянул в себя воздух, что казалось, разразится гневной тирадой в адрес не пойманного пока преступника, а уж потом начнет докладывать, но он сразу перешел к изложению сути, – в шесть часов. Когда пришли первые посетители, Лука Шамов, это работник чайной, затопил печь и поставил самовар, после этого постучался в хозяйскую дверь, ему никто не ответил, как говорит почувствовал что—то недоброе. Заглянул и поднял крик, но он сам здесь, так что расскажет подробнее.

– Сколько убитых?

– Хозяйка Прасковья Андреева Ашихина, двадцати девяти лет, нянька Александра Васильева, одиннадцати, дочь Ашихиной Авдотья, двух с половиной лет, отвезена в больницу, ей нанесена рана в голову, не пострадал только сын Петр, но ему полгода и проснулся только от криков Шамова.

– Любопытно, а где же хозяин чайной?

– Иван Павлов Ашихин, крестьянин Курской губернии Щигровского уезда, деревни Большие Змеинцы еще в начале апреля выбыл из столицы.

– Уже проверили?

– Журналы—то под рукой, – удивился пристав.

– Что—нибудь пропало?

– Не представляется возможным выяснить, работник не знает, говорит, в хозяйскую комнату никогда не захаживал.

– Эта Васильева всегда жила в хозяйской комнате?

– Лучше спросить у Шамова.

– Хорошо, хотелось бы взглянуть на место, где произошло злодеяние.

– Я провожу. – вызвался помощник пристава.

– Иван Дмитрич, увольте. – приложил руку к груди майор Галатов, – второй раз нет особого желания смотреть на ужасную картину.

Перед тем, как войти в комнату, Путилин скинул легкое пальто, чтобы не мешало, оставил при входе трость и вошел. Первым делом перекрестился на висевший в углу Лик Спасителя, перед которым вился тоненький, едва видимый, огонек лампадки.

Комната, хотя и была небольшой, но в ней помещалась хозяйская кровать справа у окна, подле нее люлька, в которой, видимо. спал самый маленький, по другую сторону кровать няньки, которая спала с дочкой Прасковьи.

Ашихина лежала на полу, смотря в потолок единственным уцелевшим глазом, вместо лица сплющенная маска, создавалось впечатление, что били чем—то плоским и тяжелым, только на виске зияла рана со вдавленными внутрь костями. Иван Дмитриевич склонился над убитой, нахмурился и потом недоуменно покачал головой, присматриваясь к нанесенным ранам.

– Она убита не сразу, – Путилин обернулся, у двери стоял доктор Крутулевский, поправляя очки. – Она после первого удара вскочила, может, хотела крикнуть, но убийца ей не дал. Поторопился нанести следующие. Здравствуйте, Иван Дмитрич.

Начальник сыскной полиции кивнул в знак приветствия.

– И сколько было таких ударом?

– Судя по состоянию лица, то не менее пяти, я думаю, а вот девочке, – доктор указал рукой на няньку, – хватило одного.

– А дети?

– Младший, видимо. Спал, так что трагедия его не коснулась, а вот второй девочке достался тоже один удар. Не знаю, может, она заплакала, а может убийца имел другие виды, но тоже ударил один раз. Удар получился вскользь, девочка лишилась чувств и к ней этот… больше не притронулся.

– Вы имеете предположение, чем могли быть нанесены такие раны.

Крутулевский с минуту подумал, потом покачал головой:

– Увы, не могу предположить, но что—то тяжелое, плоское и острым краем.

– М—да.

– Иван Дмитрич, мое дело лечить или устанавливать причину смерти, а уж ваше, – доктор горько улыбнулся, – простите, искать.

– Вы правы, господин Крутулевский.

– Найдете?

Путилин, подошедший к девочке, склонился над ней, потом поднял на доктора глаза:

– Простите?

– Разыщите этого зверя?

– Надеюсь.

– М—да, – теперь произнёс Крутулевский, – что за времена, даже детей и тех не жалеют.

Иван Дмитриевич уже не слушал доктора, а рассматривал голову девочки, потом обернулся что—то прикинул, сделал два шага к трупу Прасковьи, опять вернулся к кровати девочки. Нахмурился, почесывая щеку.

– Вполне, может, быть, вполне, хотя… – и направился к выходу из комнаты.

У двери стоял Жуков. Он не решился мешать начальнику, а еще более его испугал смотрящий среди кровавого месива на лице глаз Прасковьи. Казалось, он молил, чтобы сыскные агенты нашли злодея, покусившегося на жизни несчастных женщин.

Уже у двери Иван Дмитриевич обернулся и осмотрел комнату внимательным взглядом. В комнате не было беспорядка, обычно остающегося после вора, которому помешали хозяева. все вроде бы стояло на своих местах.

«Значит, залез кто—то свой, знавший где, что может лежать, – мелькнуло в голове и засело занозой. – значит, свой. Надо бы мужа проверить, хотя… Здесь что—то не сходится? Своих детей, что ли?»

– Иван Дмитрич, – произнёс почти шепотом, видимо, боялся нарушить смертельный покой Жуков, – там Шамов, будете его расспрашивать?

– Непременно. Миша, непременно, – сказал, не выходя из задумчивости, – каков он из себя?

– Маленький, щуплый, лет двадцати с гаком.

– Ладно, Миша, пошли, – и с иронией добавил, – расспрашивать твоего Шамова.

Луке Шамову была двадцать два, в этом Жуков не ошибся. Он на самом деле оказался невысокого роста, слегка сутулился и, казался из—за этого ниже ростом. Ивану Дмитриевичу сразу не понравились бегающие глаза трактирного слуги, словно он напакостил и теперь боится, чтобы не вышло наружу.

У открытой двери в комнату Шамова стоял полицейский. Сам же хозяин сидел на незастеленной кровати, сложив руки на коленях и смотрел в одну точку, словно был занят размышлениями о чем—то важном и одному ему ведомом, когда вошел Иван Дмитриевич, Лука сразу в нем определил самого главного, хотя на 3 участке Спасской части главнее его благородия господина Галатова быть не могло.

Шамов чуть ли не вдвое сложился и, смотря взглядом преданной собаки, смотрел на Путилина откуда—то снизу с едкой улыбкой на бледных губах.

– Здравствуй, Шамов! – Ивану Дмитриевичу никогда не нравились вот такие субъекты, в глаза улыбающиеся и стремившиеся угодить во всем, но стоит повернуться к ним спиной, а еще лучше не поворачиваться.

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство!

«Что им так „Превосходительство“ хочется мне приклеить? Далеко еще!»

Путилин осмотрелся. Комната была небольшой, что в длину, что в ширину, сажень с аршином. Веяло уютом, кровать, правда, сейчас не застеленная, сундук, деревянная табуретка возле стола.

– Давно в столице?

– Третий год.

– Да, садись, – махнул рукой Путилин, – меня тоже ноги не держат, – и опустился на табурет, – тебе—то после той крови, – он кивнул куда—то за спину, – не сладко. Видно. Перед глазами хозяйка и стоит?

– Ваша правда, – Лука вслед за начальником сыскной полиции присел на край кровати, словно птица на ветку, – не перенесть такого. – он перекрестился. – чур меня от такой беды. Бедный Иван Палыч, как бы разума не лишился или того хуже, руки на себя не наложил. Любил он Прасковью и детишек.

– А что уехал он?

– Дак, хозяйство у них там, пригляд нужен.

– Значит, хозяйкой Прасковью оставил?

– Так точно, Прасковью.

– Сможешь посмотреть, что пропало из хозяйской комнаты?

– Никак невозможно, – покачал головой Шамов, – мы туда ни ногой.

– Понятно. Когда Ашихин уезжал, деньги хозяйке оставил?

– Не могу знать.

– А может краем уха слыхал?

– Ваше Превосходительство, звиняйте, но под дверями не стоял, не слушал.

– А сам, как думаешь?

Шамов на миг задумался и по лицу скользнула тень, не иначе начал припоминать.

– Дак, Иван Палыч, не в первый раз домой ездит, тогда триста рублей оставил, а нынче… Не знаю, может, столько же, не знаю. – и покачал головой.

– Скажи, сам ты спал, когда хозяйку убивали?

– Совершенная правда.

– И ничего не слышал?

– Истинный крест. – и он торопливо перекрестился, – не слышал устал больно за вчерашний день.

– Когда Прасковья спать отправилась?

– Ближе к двенадцати, дите малое грудью покормила и спать легла.

Иван Дмитриевич отметил слова Шамова.

– Сам—то в родные края не собираешься?

– В корень зрите, Ваше Превосходительство, мне на днях письмо пришло, – Лука робко поднялся и подошел к сундуку, скользнул незаметным взглядом по Ивану Дмитриевичу и только после этого открыл крышку, покопался в глубине и вытащил руку со сложенным листом бумаги, посмотрел на него и протянул Путилину.

Иван Дмитриевич развернул сложенное письмо и углубился в чтение.

– Значит, тебе следует явиться домой для явки к отбытию воинской повинности?

– Так точно, жребий на меня указал.

– И когда собирался?

– Дак, на днях. Вот и хозяйку предупредил, бедная Прасковья, – посетовал Лука и покачал в головой, мало что языком не цокнул.

– Ты понимаешь. Что преступление зверское, поэтому вынуждены обыск учинять во всей чайной.

– Так точно, – Шамов вжал голову в плечи, – ежели надо, то разве ж я против, – и украдкой посмотрел на сундук, Иван Дмитриевич заметил этот взгляд.

Обыск в чайной ничего не дал, никаких следов присутствия посторонних людей. Миша то ли по наитию, то ли от того, что ничего существенного не найдено. заглядывал в чаны для кипятка и в одном из них нашел утюг со следами крови. За образом Спасителя нашлись и деньги – двести девяносто три рубля. Оставленные Ашихиным жене. В сундуке же Шамова, на самом дне найдены были две пары серег, три кольца и цепочка, все золотые, завернутые в чистую тряпицу, следов крови ни в сундуке, ни рядом, ни на одежде обнаружено не было.

– Ну, давай, Лука, рассказывай, как в твоем сундуке хозяйские вещи оказались. – Иван Дмитриевич кивнул на лежащие в тряпице золотые вещи.

– Ну, я…

– Не тяни. Говори, как есть.

– Я, – и умолк, словно собирался с мыслями или просто нечего сказать.

– Могу за тебя поведать, как дело было.

– Не я это, не я. Не мог на душу грех такой взять, крови на руках моих нет. – он протянул к Ивану Дмитриевичу, видно, хотел показать, что они чисты.

– Так хочешь, чтобы я рассказал, как дело было? – Настойчиво произнёс Путилин, прерывая Шамова.

– Не я, не я, – продолжал, как заведенный, повторять Лука, на глазах выступили слезы, губы дрожали и еще больше он побледнел.

– Ты, значит, эти вещи украл в надежде, что Прасковья сказать не сможет, что пропало, а тебе они пригодятся, деньги всегда нужны.

– Правда ваша. – Шамов поднял глаза и посмотрел на Путилина, – так оно и было, но не убивал я никого, не убивал, хотел украсть, – он кивнул на стол, – подумал на убивца спишут.

– А почему в сундук спрятал?

– От глупости своей и жадности.

– Значит, ты ничего не слышал.

– Ваше Превосходительство, ей богу, ничего не слышал, устамши был. Вот без задних ног, как сурок да утра и… Провалился в яму.

– Понятно, а скажи. – Путилин прищурил хитро глаз, наклонился к Шамову и слащавым голосом произнёс. – а не ходил ли кто к Прасковье в отсутствие мужа?

Лука захлопал глазами, соображая, что сказать, облизнул языком сухие губы.

– Хозяйка – баба справная была, – но потом тихим голосом добавил, – замечал я за нею хитрецу, но чтоб открыто, дак, никто не ходил. Подозрения у Ивана Палыча были на этот счет, но он, человек замкнутый. лишнего слова не вымолвит.

– Значит, ты не видел, но подозрения имел. Так я понимаю?

– Совершенно верно.

– Мог и муж сделать вид, что уехал? – Иван Дмитриевич подталкивал Шамова к этой мысли.

– Чужая душа – потемки, – у Луки горели глаза и на губах проступала улыбка, – со свечкой по ней не пройдешься.

– Верно ты сказал, голубчик, верно, по чужой душе, как по чайной со свечной не побродишь. Искать надо Ивана. Миша, – Путилин повернул голову к Жукову, – ты телеграфировал в Курскую губернию, не выезжал ли Ашихинин в столицу? – и подмигнул помощнику, тот понял и произнёс:

– Иван Дмитрич, с минуту на минуту ожидаем.

– Как придет, сразу же неси мне.

Пристав порывался что—то сказать, но увидев укоризненный взгляд Путилина, прекратил делать попытки.

Миша вернулся через минуту и протянул лист бумаги Ивану Дмитриевичу, который поднялся со стула. Лука вытягивал шею, видно, глодало любопытство.

– Вот и все, Константин Кириллович, убийца нам известен и можно выписывать постановление об аресте.

– Ашихин? – Удивленно произнёс майор Галатов.

– Отчего же? – Улыбнулся Иван Дмитриевич, – вот он перед вами, – и указал рукою на Шамова, у которого от удивления открылся рот и он не мог произнёсти ни слова.

Пристав тоже изумился.

– Как?

– Я могу поведать, как дело было, или сам сознаешься, Лука?

Шамов вскочил с места и закричал тоненьким голосом:

– Не виновен я, не виновен, напраслину на меня возводите, Ваше Превосходительство, не виновен.

– Сядь! – рявкнул Путилин на Шамова, который от неожиданности и резкого окрика опустился на скамью, если бы ее не было, наверняка упал бы, но так и остался с раскрытым ртом.

– Не понимаю, Иван Дмитрич.

– Поведать, Шамов?

Лука только тяжело дышал и исподлобья смотрел на Путилина.

– А дело было так, – Иван Дмитриевич сощуренными глазами смотрел на убийцу, – вчера Шамов получил из дому письмо, в котором его извещали, что необходимо вернуться для явки к отбытию воинской повинности, но на поездку денег не было, при Луке не найдено ни полушки, а ехать надо. Вот он и задумал добыть преступным путём, так, господин Шамов, – последние слова Путилин произнёс с ирониею. – Хозяйка, как обычно закрыла чайную около двенадцати часов, уложила детей и пошла спать сама. Лука лег в своей комнате, когда все стихло, ну я думаю, часа в два—три, вот он зажег свечку, взял утюг и направился в комнату хозяйки. Наверное, он знал, что деньги Прасковья хранит под матрацем.

– Но ведь деньги найдены за образом? – вставил майор Галатов.

– Вы совершенно правы, за образами. Ведь если бы там их нашли. то подумали. что никто не собирался грабить женщину или попросту убийца денег не нашел и скрылся, почувствовав опасность,

– Это так, но, – хотел продолжить пристав.

– Минутку и вы все поймете. Лука вошел в хозяйскую комнату, – Шамов с неподдельным интересом слушал Путилина, – вероятно, начал шарить под подушкой или матрацем, это не столь важно, но от шороха проснулась Прасковья и, вероятно, просила «Кто тут?», – при этих словах Шамов вздрогнул, – но получила удар утюгом, видимо, захрипела и он, – указал рукой, не сводя взгляда с лица трактирного работника, – начал бить беспорядочно, поэтому она упала рядом с кроватью. Потом от шума заплакала девочка и получила по голове вскользь, поэтому—то и осталась жива. Нянька тоже проснулась. Подняла голову, чтобы успокоить ребенка, но первый удар оказался смертельным. Потом Лука положил деньги за икону, это сделала не Прасковья, в темноте убийца не заметил, что на купюрах оставил кровь. Хозяйка к тому времени была мертва. Понимаете теперь, Константин Кириллович?

– Да, – тихо произнёс он и с ненавистью посмотрел на Шамова, – на войне.

– Константин Кириллович, он не уйдет от наказания, – потом обратился к Луке, – рассказывать далее?

– Не я это, не я.

– Ладно, что препираться? Поведать. Что было потом? А дальше все просто, утюг спрятан и Лука пошел спать. А утром, услышав первых посетителей, он засуетился, разжег печь, поставил самовар и пошел будить хозяйку, ведь свидетельницы говорят, что он при них постучал в дверь. Обернулся и пожал плечами, мол, не знает, что так заспались все в доме. Привлек внимание криком, когда отворил дверь, и послал женщину в участок.

– А зачем прятать золотые украшения в сундук?

– Лука, скажешь?

Шамов молчал.

– Для отвлечения внимания, разве можно заподозрить того. Кто так безыскусно спрятал вещи. Конечно же нет, вот он и рассчитывал на такой исход и любовника никакого не было, это я ему подсказал такой ход, вот он и ухватился за него. Константин Кириллович, можете арестовывать его, я думаю достаточно улик против него. Да, проверьте задний двор, так наверняка. его нижнее белье со следами крови, далеко спрятать он не мог, так, Лука?

– Черт всезнающий, – прохрипел Лука, – дьявол.

– Вот вам и подтверждение. В сущности женщин жалко, стали жертвами поневоле.

Зловещая находка. 1873 год

Последний майский день начал свой бег с безоблачного неба и ярких лучей восходящего солнца.

Сходни пели глухим надсадным скрипом и прогибались под тяжестью, вереница людей медленными шагами поднималась на барку с мешками на плечах. Парнишка давно привык к тяжестям, с малых лет прибился к артели, благо Господь не обидел молодецкой удалью и силой. Скинул с широких плеч на подставленные руки мешок, отер лицо тряпицей и замер. По каналу плыло что—то обернутое холстиной.

– Глянь, – позвал он старшего артельщика, – что там в воде?

– Багор, быстро, – крикнул тот.

Только на третий раз сумел подцепить за веревку, завязанную с одного конца. Подтянул к берегу холстину, оказавшуюся тяжелым мешком. Чудно. Веревку пришлось перерезать, затянулся узел так, что невозможно было развязать. Но потом, когда разрезали и зеленую сатиновую юбку в красный горошек, вздрогнули даже отчаянные артельшики – перед ними лежало мужское тело без головы, рук и ног.

Начальник сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин прибыл с тремя агентами на место неожиданной находки к Ново—Каменному мосту через полчаса. Он много повидал на своем веку и душегубов, и убиенных, но впервые столкнулся с таким зверством. Человека могли убить, покалечить, но чтобы на куски…

Тело после осмотра было отвезено в анатомический театр для изучения.

– Если мешок плыл по течению, – говорил Иван Дмитриевич своему помощнику Михаилу Жукову, смышленому молодому человеку двадцати пяти лет, – проверьте все подходы к каналу, здания на набережной. Опросите городовых на окрестных улицах. Выясните: не проплывало ли какое судно сегодня ночью, опросите всех артельщиков, обойдите все баржи и суда, да и распорядись агентам, чтобы посетили мануфактурные лавки на предмет продажи сатина такой расцветки.

Сам же Иван Дмитриевич вслед за доктором поехал в анатомический театр.

– … Иван Дмитриевич, – развел руками доктор, производивший вскрытие, – нового ничего сказать не могу. На теле нет ни приметных пятен, ни родинок, ни шрамов. Чист, аки младенец, только могу одно добавить, что убиенный был невысокого роста, рыжеват и возраста от тридцати до сорока лет и судя по внутреннему состоянию печени очень любил водочкой побаловаться.

– Спасибо и на этом, – Путилин был обескуражен. Если в ближайшие дни не обнаружится пропавший с рыжеватыми волосами, то…? А если он к тому же и не местный?

Только в коридоре начальник сыска вздохнул полной грудью, не нравился ему насквозь пропитанный неприятными запахами воздух. Неуютно он себя чувствовал в царстве смерти.

В кабинете Путилина выстроились агенты, сам же хозяин прохаживался вдоль ряда агентов и казалось рассеянно выслушивал доклады.

– Ночью через Обводный не проходили ни суда, ни барки, ни баржи. Только с ранним утром артели грузчиков приступили к работе.

– Городовые, несшие службу от Борового моста и вниз по течению, ничего подозрительного не заметили.

– В притонах и сомнительных местах вдоль канала и за ним в сторону Купчина, Красного села никаких случаев рукоприкладства замечено не было.

– В мануфактурных магазинах сатин, из которого сшита юбка, не продавался. Продавцы не помнят такой расцветки.

С минуту Иван Дмитриевич постоял, заложив руки за спину.

– Значит, никто ничего не видел, никто не пропадал, никто не продавал. Плохо, – вздохнул Путилин, – нет ни одного кончика, чтобы начать распутывать клубок. Наш убиенный был умерщвлен ночью, он рыжеват и без особенных примет. Скорее всего о его пропаже будет известно через несколько дней. Употребите их на поиски рыжего мужчины, возрастом лет до сорока. Его бросили в воду, видимо, с часу до трех ночи, когда темнеет в наших краях, в остальное время более светло и не могли злоумышленники, их я думаю было не менее двух, принести опасный для них мешок открыто. Они должны были таиться. Опросите снова городовых, чьи участки прилегают к Обводному от Борового моста и до Невы. Пусть припоминают все, важна любая мелочь. Кого они видели, что заметили. Все подозрительное брать на заметку.

На следующий день Путилин был вызван в департамент.

За столом сидел глава полицейского ведомства столицы Российской Империи, просматривая циркуляры, присланные из канцелярии Его Величества, когда адъютант доложил о приходе начальника сыскной полиции. Кивнул, пусть заходит.

– Что творится в городе? Что за вандализм? Не столица, а притон убийц! – его лицо побагровело, днем состоялся неприятный разговор с Государем, которому недруги главного полицейского чина в красках доложили о зловещей находке у Ново—Каменного моста. Теперь молния, вылетевшая из уст царя, продолжила полет, нацеливаясь по нижестоящим на служебной лестнице, первым на ее пути оказался начальник сыскной полиции. – Вам неделя на поимку злоумышленников, неделя, – кричал обер—полицмейстер, – я повторяю, неделя… Через неделю, – он выделил это ставшее вдруг ненавистным слово, – я жду Вас с докладом о пойманных душегубах. Сударь, Вы свободны, – взял дрожащей рукой бумагу и сделал вид, что начал читать.

Путилин вышел, осторожно притворив резную дубовую дверь, и платком вытер высокий лоб.

– Суров, – только и сумел произнёсти Иван Дмитриевич.

Путилин вернулся от обер—полицмейстера мрачнее тучи, хоть и не кричал, не топал ногами, но сотрудники чуть ли не на цыпочках проходили мимо кабинета, в котором он расхаживал от окна к стене, от стены к окну. Через час после неприятного разговора дальше по течению Обводного канала у Варшавского моста был найден второй мешок, как потом оказалось с не менее зловещей находкой – головой, руками и ногами.

Голова сохранилась хорошо, присутствовали и особые приметы – рыжая аккуратная бородка и волосы.

– Иван Дмитрич, – Жуков уже без боязни заглянул в кабинет, лицо его сияло.

– Что тебе?

– Иван Дмитрич, – он вошел и закрыл дверь, – напротив Варшавского найден второй мешок.

Путилин на мгновение замер, обдумывая услышанное.

– Голова? – только и сумел произнёсти.

– Не ясно, но мешок похож на найденный у Ново– Каменного, – послышалось в ответ.

Потом, словно безусый юноша, схватил торопливо шляпу, трость и выскочил из кабинета. Вслед за ним большими шагами шел помощник.

Городовой, оповещенный о необычной находке, выловленной из канала, запретил развязывать мешок и сразу же известил участкового пристава, а тот по инстанции доложил на Офицерскую.

Путилин тростью тронул мокрую холстину.

– Брат—близнец вчерашнего, – потом велел, – режь веревку.

На камни набережной из мешка извлекли белую женскую блузку с большими перламутровыми пуговицами, на которой выделялись потемневшие пятна, а уже в ней взору предстали руки, ноги и голова. Действительно волосы и аккуратная бородка хоть и были мокрыми, темного цвета, но угадывалось, что человек при жизни был рыжеватым. На затылке сияла большая рана, скорее всего следы оставил топор.

– Голову на экспертизу, – распоряжался Путилин, – туда же художника, пусть сделает портрет для показа родственникам пропавших, показать городовым. Пусть посмотрят: проживал ли этот мужчина на их участках? Да, и предупредить обязательно приставов, пусть присылают родственников и знакомых на опознание в Обуховскую больницу, куда завтра перевезем голову.

– Не пойму, – произнёс после недолгого молчания помощник, – как можно было вот так разрубить, как барана на куски?

– Я думаю – дело было проще, чем ты думаешь. Убийцы, скорее всего две женщины, одна бы не управилась, но возможно и одна или здоровый мужчина. Наш рыжий не ожидал такого поворота событий, ведь били сзади и видно не один раз. Видимо убитый сильно кому—то насолил. Да и нести—то не приятно и тяжело такую ношу, вот и изрубили, чтобы и неприметно, и тяжесть поменьше была, а может чтобы невозможно было опознать. Ясно: они живут в близи от канала, надо проверить жилые дома от Ново—Каменного до Невы. Далеко нести бы не стали, опасно, вдруг кто заметит.

– И то верно, – Жуков поморщился, – фу, страсть какая. Неужели бабы?

Иван Дмитриевич только пожал плечами.

– Я в театр, возьму портрет, потом сам проверю дома, – сказал помощник.

– Хорошо, хотя проверь не до Невы, а в первую очередь до Екатеринославской улицы, дальше идут казармы, сомневаюсь, чтобы убийство произошло там, – Путилин, не думая долго, отмел в сторону пришедшую мысль, – нет, до Екатеринославской. Жду с хорошими новостями, а я кое—что проверю.

Вечер, десятый час пошел, а солнце не дает покоя, светит в окна, словно и не собирается опускаться за горизонт.

Первый из отпущенных дней катится к закату, но не это главное. Иван Дмитриевич чувствовал, что след найден, что убиенный из местных и при том жил на пересечении набережной Обводного канала и Предтеченской улицы. Там четырехэтажный дом, прекрасный выход к воде. Путилину самому хотелось проверить свое предположение, но он сдерживал себя, всецело полагаясь на дотошного помощника. Тот землю рыть будет, зубами грызть, но докопается до истины. Хорошая смена растет, хорошая, улыбнулся начальник сыска, есть кому передать охрану городского спокойствия.

Помощник и сопровождающий его агент появились перед очами Путилина без четверти десять. Лица у обоих хоть и уставшие, но довольные, без слов говорили об удаче.

– Иван Дмитрич, – от расплывшихся в улыбке губ сквозило удовольствие от хорошо выполненного задания, Михаил, не спрашивая позволения, не опустился, а прямо таки шлепнулся на стул. Мгновенно осекся, когда увидел строгое лицо начальника, вскочил, едва не растянувшись во весь свой саженый рост.

Строгое лицо не могло погасить блестящих глаз, Путилин уже не скрывал за суровой маской своего любопытства.

– Садитесь, – кивнул он, – и по порядку.

– Иван Сорокин, тридцать два года, – начал доклад помощник, – уличный торговец на Обводной набережной. Его опознал околоточный участка, на котором он проживал. Говорит, как о работящем и спокойном господине. Три года как женат на Альбине Петуховой из Новгородской губернии.

– Хорошо.

– Жену тревожить не стали, хотели посоветоваться сперва с Вами.

– Я думаю, завтра часам к десяти везите ее в анатомический на опознание, там и поговорим. Может клубок и начнет распутываться. В каком доме проживали наши супруги?

– На пересечении Предтеченской и Обводного.

– Понятно, – задумчиво улыбнулся Путилин.

Следующим утром Иван Дмитриевич прохаживался по широкому светлому коридору в ожидании приезда женщины и помощника, посланного за ней.

Альбина оказалась низенькой с круглым, словно полная луна, лицом. Бледные щеки говорили о проведенной без сна ночи, а воспаленные глаза свидетельствовали о слезах, оросивших опустевшую подушку. На плечи был накинут черный плат, словно она уже предчувствовала, что стала вдовой.

– Доброе утро, сударыня! – поздоровался Иван Дмитриевич.

Она только кивнула в ответ.

– Вы готовы к столь прискорбному событию?

– Да, – выдавила она осипшим голосом, – после двух бессонных ночей я готова ко всему.

– Мой помощник предупредил вас о…, – Путилин запнулся, подбирая слова, – жестокой находке.

Она подняла глаза на начальника сыска, в них были и грусть, и страх, и предчувствие неизбежной трагедии.

– Посмотрите, – он протянул рисунок, сделанный художником с головы. На нем на белый свет взирал открытым взглядом довольно молодой мужчина.

– Это мой муж Иван, – она осторожно взяла плотный лист бумаги, словно боялась обжечься. – Где он?

– Сударыня, успокойтесь, – Иван Дмитриевич передал рисунок помощнику, – сия процедура хоть и неприятна, но позволит нам установить истину. Пройдемте, только прошу, не надо слез.

Голова лежала изрубленным затылком на металлическом столе, до подбородка прикрыта белой простыней, под ней лежало свернутое одеяло и создавалось впечатление, что лежит целее тело.

Женщина охнула и с дикими глазами отшатнулась в сторону, бессмысленный взгляд скользнул по лицу и остановился на мнимом теле. Альбина попятилась назад.

– Господи! Ваня! Что с тобой сотворили? – женщина забилась в рыданиях, в руках появился белый платок, и она прожала его к лицу, чтобы не видеть мелового лица мужа. – Это мой Ваня! Это мой Ваня! – только и могла она повторять сквозь всхлипы и рыдания.

Ее увели. Путилин заранее договорился о том, чтобы побеседовать с новоиспеченной вдовой в отдельной комнате.

Стакан дрожал в руке женщины, она расплескала половину поданной ей воды.

– Сударыня, Вы готовы к разговору?

– Да, – едва слышно проговорила она, – я два дня лила слезы в ожидании мужа, предчувствовала, что добром не закончится.

– Извините, что не закончится?

– Он, нагруженный извозчичьими торбами, кнутами и рукавицами, уходил торговать вдоль канала до строящегося Морского канала, а там места нехорошие, слишком много там нехороших людей.

– Как часто он уходил на торговый промысел?

– Почитай каждый день. Как он говорил, что, мол, волка ноги кормят. С восходом солнца он на ногах.

– Так, – провел рукою по выбритому подбородку, – а два дня тому.

– Вышел из дома, как всегда, – женщина смотрела на подол платья, не поднимая глаз, только платок дрожал в руке, – я ему блинов напекла, он почайовничал и с того часа больше я Ивана не видела, – опередила очередной вопрос Путилина.

– С вашего позволения хотелось бы провести обыск в вашей квартире на предмет выявления дополнительных улик, которые могут пролить свет на столь запутанное дело, а может, и нет? Вы не против?

– Я? – Маленькая заминка в словах и промелькнувшая искра настороженности, – не против, только найдите этих изуверов.

– Постараемся сделать все, что в наших силах.

– В последнее время к вам никто не приезжал?

– Вообще—то нет.

– Нет или да?

– Да, из моей деревни Ирина Кузьмина, мы вместе росли, но она здесь чуть ли не с год живет.

– А к Ивану?

– Нет, он приехал из Псковской губернии и не любил, когда приезжали навестить родственники и знакомые.

Квартира Сорокиных была хоть и бедно обставлена, но все в ней сияло чистотой, не новые скатерти, но чистые, накрахмаленные, словно их застелили в ожидании прихода агентов сыскной полиции. Пока проводился обыск Путилин поговорил с Ириной Кузьминой, девицей двадцати пяти лет. Грубоватый облик не вязался с мягким приятным голосом.

– Давно приехали в столицу?

– Почитай год.

– Где проживаете?

– В этом же доме.

– Чем зарабатываете на жизнь?

– Я – швея, вот сегодня Альбина попросила, чтобы с дитём понянчилась, пока она к вам ездила.

– Вы знали ее мужа?

– Ивана что ли? Знала, а как же. Я ж частенько у них бывала, мы с одной деревни с Альбиной.

– Как они жили? – тихим голосом спросил Путилин.

– Да как мужик с бабой живут? Чтобы ссоры были, то я не видала, – она пожала плечами, стараясь не смотреть на Ивана Дмитриевича, а все себе под ноги, – но дитё он шибко любил, вечерами с рук не отпускал, все нянчился. А так. Вином Иван не баловался, как наши деревенские, ну там как всякий мужик потреблял, не без этого. Что добавить? Да, пожалуй, и нечего.

– Хорошо. А когда в последний раз встречали Ивана?

– Да в тот вечер, когда он сгинул.

– То есть позавчера? И где?

– Шел, как всегда, в чайную на Тамбовскую.

Путилин отметил это «как всегда».

– И часто туда захаживал?

– Нет, – поняла свою ошибку женщина.

– А что ищете? – бесцеремонно спросила Ирина.

Путилину не понравился вопрос, но сквозь улыбку он сказал:

– Следы преступления.

Собеседница вздрогнула.

– Иван Дмитрич, – подошел Жуков и шепотом произнёс, – слишком чисто, словно вымыли перед нашим приходом, даже полы отскоблили.

– Я думаю здесь искать больше нечего, – Путилин сжал губы, – у меня есть другие мысли. Топора не находили?

– Нет, – покачал головою помощник.

– Ну и ладушки.

В кабинете были двое – хозяин и его помощник Михаил Жуков, на них сурово со стены взирал Его Величество Император Российский, напоминая о проходящих днях и угрозах обер—полицмейстера.

– Иван Дмитрич, Вы говорили о двух женщинах…

– Я знаю, – резко перебил Путилин, – все наличествует и подозреваемые, и дом возле воды, но связать воедино, а я пока не могу, что побудило на такое зверство. Вот что, голубчик, проверь чайную на Тамбовской. Часто ли там бывал наш убиенный? Проверь и скобяные лавки близь от места жительства убиенного: не покупал ли кто топор в последние дни. В особенности женщины. Потом юбка и блузка. Иди, Михаил, – махнул рукой, – иди.

Сам же Путилин отправился в артели извозчиков, полдня потратил на опросы о Сорокине. Ни один из опрошенных не отозвался об убиенном ни одним хорошим словом. «Негодный человечишка» были самые лестные слова. Поговаривали, как он похвалился, что жена, как шелковая, приучил ее к изрядному послушанию кулаком и плетьми, которых у него было в достатке в продаже, хотя продавал мало, но деньжата водились. Ребёнка, вообще, не замечал, относился к нему не как к родному, а как к пасынку.

Иван Дмитриевич воротился в свой кабинет в отвратительном расположении, с одной стороны давила неделя, данная ему на раскрытие убийства обер– полицмейстером, с другой – несчастная женщина, теперь он не был уверен в ее виновности, хотя многое говорило об этом. Подробности семейной жизни вносили сумбур в рассуждения.

Через полчаса после Путилина явился Жуков с отсчетом о проделанном.

Чай в стакане давно остыл, начальник сыскной полиции позабыл о нем и от рассеянности едва не столкнул на пол.

– Рассказывай.

– На Курской улице в лавке Игнатьева третьего дня женщина купила топор, торговец очень уж был удивлен, когда она попросила заправить и без того острое лезвие, поэтому ее и запомнил, привередливая попалась покупательница. Я тайком показал Сорокину, он ее не признал. Потом я показал ему Ирину Кузьмину, а вот про нее он сразу же сказал. «Она, – говорит, – она!»

Иван Дмитриевич оживился, провел рукою по лицу.

– Так– так, а дальше?

– Оказывается, наш покойник посещал не только чайную, но и любил вечерком посидеть за графинчиком беленькой в трактире «Муром» на Малом проспекте, хотя есть питейные заведения поближе, и не стеснялся захаживать в дома терпимости. В окрестных его прекрасно знали, хотя дома ждала молодая жена.

Помощник видел, что начальника что—то беспокоит.

– Про юбку и блузку разузнать не удалось, – развел руками докладывающий.

– И на том спасибо.

– Убийцы они или нет.

– А вот это вскорости станет известно.

– Не сомневаюсь.

– Только навестим госпожу Сорокину.

– Может привести ее сюда?

– Не надо.

Альбина даже не встретила их, а только громко сказала, что дверь не заперта.

– Доброго вечера вашему дому, – поприветствовал хозяйку Иван Дмитриевич и через плечо сказал помощнику, – приведи ее.

Через несколько минут в комнату вошла Ирина, ее глаза горели недобрыми огоньками, сама будто бросала вызов Путилину своей независимостью. Помощник понял, что надо оставить начальника одного с женщинами.

– Не знаю с чего начать, – пожевал губу Иван Дмитриевич, – но мне многое известно.

– И что же? – прошипела Ирина.

– Многое, – просто ответил начальник сыска, не повышая голоса, – в особенности об издевательствах господина Сорокина.

– Тоже тайна, – съязвила Ирина.

– Почему мне сразу не сказали об этом?

– Какая вера жене, – наконец раздался голос Альбины, – если она должна быть покорна воле мужа да и не говорят плохо о покойнике, хотя как не страшна была его смерть, – она посмотрела Путилину в глаза, в ее словах не было ни злобы, ни отчаяния, ни каких чувств, полнейшая пустота, – я рада, что он умер. Я устала от страха быть выгнанной на улицу, хотя это уже было, он выставлял меня за дверь, а несколько дней назад он пришел домой пьяным, если бы поднял руку на меня, я стерпела бы, но он схватил ребенка и бросил об пол. Наверное, ангел сберег нашего сынишку, он не пострадал, только сильно испугался, но даже не заплакал. В ту минуту мне хотелось его убить, но ужас сковывал меня. Я – женщина, я – слабая женщина. Это Иван был негодяем! – произнёсла сквозь слезы Альбина.

– Зачем вы купили топор? – он обратился к Кузьминой.

– Так Иван просил купить, он же приказал хорошо заточить.

– На что он ему был нужен?

В ответ Ирина только пожала плечами.

– Понятно, – Путилин снова обратился к Кузьминой, – у Вас есть зеленая сатиновая в горошек юбка?

– Да, – искренне удивилась она. – Юбка старая, лежит на дне сундука и одевала ее в последний раз с полгода назад.

– Вас Иван видел в ней?

– Наверное, в первое время я ходила в том, то привезла с собою из дома.

– Кто мог ее взять?

– Не знаю.

– Я, – подала голос Альбина, – меня заставил взять юбку и блузку Иван.

– Для чего?

– Я не знаю. Я его боялась, и мне было страшно сделать что—то не так. Я боялась за сына.

Путилин вернулся к себе в кабинет задумчивым и рассеянным, присел за стол, не снимая шляпы, начал барабанить пальцами по поверхности стола.

– Иван Дмитрич, Иван Дмитрич, – рядом стоял Михаил Жуков, но начальник его не замечал, пока в десятый раз стоящий рядом громко не кашлянул.

– Да, да, – Путилин отвлекся от мыслей, – что тебе?

– Какие будут распоряжения, Иван Дмитрич?

– Присаживайся, – показал рукой на стул.

– Какие будут распоряжения? – повторил вопрос помощник.

– Пока надо подумать, – опять углубился в размышления, потом снова взглянул на собеседника. – Оказывается, наш покойник попросил купить топор Кузьмину, а украсть юбку у нее же свою супругу. Может быть это и ложь, но я склонен верить этим женщинам, хотя… Вот когда я пойму для каких целей Сорокину это было нужно, приблизимся к убийце.

Жуков едва дышал, боясь даже тихим своим сопением отвлечь начальника от размышлений.

– Ясно одно, – поднял голову Путилин, – наш убиенный не так прост, как хотел казаться. В его желании, чтобы за некое преступление пострадала Кузьмина, для этой цели и похищение ее одежды, и просьба о покупке топора. Только почему он поручил жене? Значит ли это, что она должна замолчать вовеки? Наверное, да. Но не сходится.

– Он хотел избавиться от семьи?

– Может быть, – в словах чувствовалось, что Иван Дмитриевич получил в руки маленькую ниточку. – С кем встречался наш покойник в питейных заведениях? Кроме случайных собутыльников, у него должен быть сообщник. Не дает мне покоя… Таится за всем этим что—то крупное.

Утром, едва солнце блеснуло первым лучом, Иван Дмитриевич вошел в кабинет и, не снимая шляпы, принялся рассматривать бумаги месячной давности. Только вчера поздно ночью пришло одно соображение, которое хотелось проверить. Полночи он не мог заснуть, ворочался с боку на бок, не давали покоя мысли и вот сейчас он проверял себя.

Месяц тому в Псковской губернии в деревеньке Семеновцы Порховского уезда близь станции Дно было совершено зверское убийство десяти человек. Вся семья торговца Семенова – он сам, его сын, сноха – были зарублены топором, а шестеро детишек и работник, живший у них, зарезаны. В доме беспорядка не было, словно убийцы знали все тайники местного богатея.

Путилин после проверки бумаг устало опустился на кресло. В бумаге значилось имя убитого работника Василий Сорокин, двадцати четырех лет.

Теперь можно начинать следствие не с нуля, а с маленькой единички, есть от чего двигаться. Случайное совпадение? Оба из одной деревни, братья? Родственники? Однофамильцы? Иван да Василий, Василий да Иван. Что ж придется навестить Псковский край и там из первых рук все разузнать.

В восемь часов сотрудники в ожидании указаний собрались в путилинском кабинете.

После приветствия Иван Дмитриевич выдержал паузу.

– Господа! Я хотел бы, чтобы сегодняшний день вы употребили для получения сведений о нашем покойнике, то есть об Иване Спиридоновиче Сорокине. Мне доподлинно известно, что он замешан в преступные дела, доказательств пока не имею, только умозаключения. Каждый из вас получит задание, жду с отсчетами вечером после девяти часов.

В полдень Путилин поднимался по лестнице, ведущей к квартире Сорокиных. Дверь отворила сама хозяйка, аккуратно причесанная и в накинутом на плечи черном плате.

– Проходите, – вместо приветствия произнёсла безучастная вдова и, не дожидаясь ответа, прошла в комнату, где махнула рукой, указав на стул, – присаживайтесь, раз пришли, – голос звучал глухо, без какой бы то ни было интонации.

– Спасибо, – осмотрелся Иван Дмитриевич, хотел положить шляпу, но присел, держа ее в руках.

– Я вас слушаю.

– Наверное, вам неприятен разговор о муже, но я вынужден побеспокоить Вас еще раз, чтобы уточнить некоторые обстоятельства.

– Ваше право, господин Путилин, ваше право.

– Альбина, скажите, господин Сорокин рассказывал о своей семье, откуда родом?

– Он был немногословен, но за годы прожитые с ним… У него в деревне, откуда он приехал, осталась мать и младший брат. Не знаю, но то ли Василий, то ли Викентий, не могу сказать. В Петербург Иван приехал к сестре задолго до нашего обручения, которая его позвала к себе, мол, здесь можно больше заработать, но я ни разу не видела ее.

– Хорошо. А часто из дома отлучался Иван Спиридонович?

– Не часто, но бывало, хотя больше одной ночи не отсутствовал. Говорил, что ездит по окрестным деревням для закупки товара.

– К нему кто—нибудь приходил?

– Нет, он гостей не жаловал. Только один раз появился неприятный человек за эти годы.

– И когда?

– Не знаю, – провела рукою по волосам, вспоминая, – недели две тому будет.

– Какой из себя?

– Что сказать? Тепло было, а он в теплой одежде, правда, без шапки, но взгляд какой—то не людской, а звериный, навроде хищника. Глазки такие маленькие и колючие, я запомнила это потому, что они с Иваном пошептались в коридоре и пришедший быстро ушел.– она замолчала, словно что—то вспоминала, Путилин ее не торопил, – вот еще, над глазом, – она провела левою рукою по лбу, – рваный шрам.

– Большой?

– Нет, с мизинец.

– Долго они разговаривали?

– Минут с пять, но Иван после разговора был очень сердит.

– Сестра где проживает?

– Где—то на Васильевском, вот точнее сказать не могу, не знаю.

– Спасибо, Альбина, – Иван Дмитриевич поднялся со стула, – за беседу.

Кузьмина ничего не могла добавить к тому, что говорила ранее. Не могла и ответить: зачем купила для Сорокина топор? Сама себе удивлялась. Не слишком хороший человек Иван Спиридонович мог подобрать ключик к женскому сердцу, которое таяло под его жаркими речами.

Вечером вернулись на доклад агенты.

Отправленные в трактир «Муром» удивили.

– Иван Дмитриевич, самое удивительное, что в сей трактир так просто не попасть. Стоит вроде бы на отшибе, завсегдатаев не так много, а пускают не всех, словно секреты оберегают.

– Может быть, так и есть.

– Хозяин – личность угрюмая, бывший моряк Серафим Матушкин. Высокий, двух аршин и десяти вершков, черные волосы.

– Особые приметы.

– Не заметили, но есть у него один помощник – мастер на все руки и дров наколоть, и трактир убрать, и посетителя нежелательного выставить, так у него над левой бровью косой шрам.

– С вершок?

– Да, – удивленно сказал докладывающий.

– Так, – постучал пальцами Путилин по столу, – завтра продолжайте наблюдение.

Через час пускающий в небо черные клубы дыма паровоз уносил Ивана Дмитриевича и его помощника с Царскосельского вокзала в город Порхов для изучения подробностей по делу убийства семейства торговца Семенова.

Михаил поначалу смотрел в окно, разглядывая проносящиеся деревья и изредка попадающиеся дома. Не выдержал:

– Иван Дмитриевич, убийство купеческой семьи и Сорокина одних рук дело?

Путилин, сидевший с закрытыми глазами, пошевелился. Приоткрыл один и тихим голосом произнёс:

– Угомонись! Приедем, будет видно.

Жуков опять повернулся к окну, спать не хотелось. Все мысли теребили, одна другой причудливей. То они с Иваном Дмитриевичем на месте арестовывают злодеев и возвращаются назад, где их встречает, если не министр, то по крайней мере обер—полицмейстер. Но спустя какое—то время мерный стук колес навеял сонное состояние и Миша задремал.

На маленьком перроне, где остановился паровоз, фыркающий молочными облаками, с тремя вагонами, петербургских гостей встречали четверо – начальник станции, урядник, судебный следователь и волостной писарь.

Уряднику принесли телеграмму с нарочным ближе к полуночи, хоть и не хотела прислуга будить своего хозяина, который отправился почивать, но он, несколько раз прочитав послание, послал за судебным следователем. Вместе решили, что неспроста едут петербургские чиновники, не иначе, как с проверкой состояния дел, поэтому приготовились к разным неожиданностям.

Гости выглядели не заносчивыми столичными чинами, а одеты в простое цивильное платье. Без настороженности поздоровались, лица светились открытыми улыбками, и не было заметно, что держат за пазухой камешек.

– Господа, – произнёс Иван Дмитриевич, – вы не будете возражать, если мы с Николаем Ивановичем и моим помощником Михаилом Жуковым проедемся в Семеновцы, а вас не будем утруждать своим присутствием.

Урядник зло посмотрел на судебного следователя, невооруженным взглядом была заметна их давняя неприязнь. Не хотелось ему оставлять этого чинушу наедине со столичными.

– Что ж, – сквозь зубы выдавил урядник, – Николай Львович свое дело знает. За сим разрешите откланяться, – наклонил голову, одел форменную фуражку. Хотел по военному повернуться, но получилось нескладно. Махнул с досады рукой и зашагал к своим бегункам.

Гостей же подвели к шикарной коляске, запряженной парой лошадей.

– Прошу, – судебный следователь церемонно протянул руку, приглашая садиться.

– Николай Иванович, – произнёс Путилин, когда тронулись, – чем знамениты Семеновцы?

– Да ни чем особенным, – пожал плечами следователь, край наш не богат. Только вот лен и сподобились выращивать, от него вся прибыль. Местные его выращивают, а булыни, так здесь купцов прозывают, скупают на корню весь урожай и за границу отправляют или в Лилль, или в Белфаст. Самое неприятное, что задарма. Крестьянину деньги к осени нужны на закупку товаров и для уплаты податей. Таким был и убитый Семенов, ближайшую округу в кулаке держал. Не было ни одного земледельца не задолжавшего нашему убиенному. Хватка была у него медвежья. Один раз, – разговорился Николай Иванович, – несколько человек подожгли его дом. Так он выстроил новый наподобие крепости, стены двухсаженные, с собачьей охраной на краю деревни. Поджигателей так и не смогли сыскать.

– Как же обнаружили убиенных? – удивился помощник.

– Узнали по случайности. Семейство купца поднималось рано, хозяйством занимались, печь топили, а здесь тишина с утра, даже собаки и те не лаяли. Соседка заподозрила неладное, решила проверить – может, в доме что случилось? А когда подошла к воротам, то они были приоткрыты. Сквозь щель заметила мертвых собак и работника, что выполнял всю грязную работу по дому.

– Вы прибыли в тот же день?

– Да, как получили известия, сразу же в деревню. Приехали засветло.

– Чужие могли к нему попасть?

– В том—то и дело, что нет. Никого из чужих дальше ворот не пустил бы.

– Странно.

– Вся невидаль, что странно. Взрослые были связаны и убиты ударами топора, а дети в одной комнате зарезаны ножом.

– Ничего странного не было?

– Странность была в диковеном узле.

– Чем?

– Подобие морского что ли, хотя господа, к морю касательства не имел. Сужу исключительно по литографиях в книгах.

– На том спасибо.

За беседой незаметно подъехали к дому убитого.

Дом действительно напоминал неприступную крепость. Огороженный двухсаженным забором он стоял, возвышаясь темной громадиной, навевая мысли о древних русских городищах, обнесенных бревенчатыми стенами.

Сестра купца не стала переезжать в освободившийся дом из—за суеверия, ведь десять душ покинули тела не по собственной воле, а только навела порядок, замыла кровавые следы.

Судебный следователь оставил гостей у ворот, а сам же вернулся через пять минут с новой хозяйкой, бойкой старушкой маленького роста.

– Доброго дня, – поздоровалась она.

Следователь развел руками, мол, одним нельзя.

Путилин понимающе кивнул головой.

Большой двор радостно зеленел травою. дом же производил гнетущее впечатление, не смотря на резное крыльцо и ажурные деревянные ставни.

– Там у колодца, – показал следователь, – и там, – показал рукою, – лежали зарубленные псы. На крыльце головою к ступеням Василий Сорокин, три раза ударили в спину ножом, на руках обрывки веревки.

Вошли в сени с низкими дверями, потом в светлую большую комнату с двумя лавками в углу и массивным столом для всей семьи.

– В этой комнате, – следователь подошел к двери и распахнул, – на полу рядком лежали связанные хозяин, его сын и сноха. А в той, – указал на двери напротив, – дети от трех

до одиннадцати лет. Резали, как курят, по одному и всех точным ударом в сердце, – Николай Иванович перекрестился, – хоть не мучились. Здесь же на столе стояли две бутылки водки и закуска.

– Значит, хотя бы одного из убийц Семенов знал.

– Так точно.

– Да не пустил бы постороннего мой братец, – вмешалась в разговор нынешняя хозяйка дома, – очень был осторожный. На ночь супостатов выпускал, – Иван Дмитриевич понял, что старуха говорит о собаках, —так они не только лай поднимали, а кого хошь на части в миг растерзали бы.

– Скажите, – поинтересовался Путилин, – много денег у него здесь было?

– Почитай все его накопления, прижимист был, – перекрестилась на икону, – сколько ему говорила – отвези в банк, неровен час ограбит кто иль снова петуха пустит. Нет, говорит, под боком целей будут.

– У него были тайники?

– А как же, в сундуке он хранил немного, а остальное в подполе.

– Осмотрели весь дом и действительно были потайные места, но было видно, что в доме никто не искал, а сразу вскрыли места хранения.

– Сам хозяин, – дополнила сестра, – в жисть бы не сказал, где у него что лежит. На куски его режь, все одно молчал бы. О деньгах в подполе даже сын не знал, не то чтобы кто сторонний.

Иван Дмитриевич прошелся по комнатам, спустился в подпол.

На свежем воздухе вздохнул полной грудью, давило в доме непонятное чувство.

– Деревенских опрашивали?

– Давайте пройдем к дьячку, – предложил судебный следователь.

Дьячок, мужчина неопределенного возраста, с козлиной бородкой непрестанно крестился.

– Да, – говорил он, – уже под вечер возвращался я со станции. Меня обогнала двойка лошадей, в коляске сидело четверо мужчин. Одеты по—городскому. Никого из них раньше не видел.

– Вы долго здесь живете?

– Почитай с детства, так что всех знаю в округе.

– Запомнилось хоть что—нибудь?

– Нет, – усмехнулся дьячок, – да и времени прошло достаточно. Хотя, – он задумался, силясь вспомнить, – нет. Все, как на подбор, эдакие молодцы. Постой, постой, они меня обогнали, но в деревне я с ними сравнялся, их на коляске было двое и повернули к дому Семенова.

– Больше никого не видели.

– Нет.

Деревенские ничего к сказанному не добавили: Семенов был очень осторожным, постороннего не пустил бы, семью держал в строгости, любопытные заметили, как к воротам подъехали двое.

– Становится немного понятно, – проговорил Путилин, – приехало четверо, которых видел дьячок, когда его обогнали. Двое из них вышли ранее и спрятались в том лесочке, – показал рукою, – а двое поехали к дому Семенова. Их, наверное, уже ждали и знали, раз хозяин сам без боязни впустил убийц в дом. Возницу, с которым они добирались до деревни, гости отпустили, знали, что свидетель им не нужен. Незнакомцы вместе с хозяином отужи-

нали, обсудили дела и легли спать. Когда все улеглись, один из ночных гостей вышел на крыльцо, вроде бы как покурить, убил собак, главное, что собаки не подняли лая, знали этого человека, он и впустил в дом тех двоих, что прятались в рощице. Во время ограбления работнику Василию Сорокину удалось освободиться, но далеко убежать не сумел и его зарезали во дворе. Убив Семеновых, душегубы забрали деньги из сундука и тайников, они знали, где он их прятал, запрягли лошадь хозяина и уехали, скорее всего, на станцию. Их следы следует искать там.

– Я тоже предположил так, – сказал Николай Иванович, – на станции я выяснил, с петербургского поезда сошли четверо, по виду купец с тремя приказчиками. Наняли извозчика до Семеновец, сказали, едут договариваться о покупке льна к знакомому булыни.

– Так и сказали?

– Да.

– Значит один из них местный, чужой бы не стал употреблять незнакомого слова.

– Я тоже так думал, но далее продвинуться не сумел.

– Василий Сорокин давно у Семенова был?

– Лет шесть – семь. Его брат Иван был у нашего купчишки на побегушках, но собрался и уехал в столицу к сестре, а вместо себя сосватал младшего брата. Про Василия говорили, что работящий и безотказный.

– Волостной писарь кому справлял паспорта для выезда из деревни?

– Двоим за последние годы – Ивану Сорокину и Егору Худякову.

– Проверяли обоих?

– К сожалению года три тому Егора зарезали в Москве в пьяной драке, а Иван Сорокин в Петербурге, торговцем стал, в края наши больше не заезжает.

– Был торговцем.

– Что с ним?

– Отправлен на встречу с Семеновыми.

– Да? – то ли удивленно, то ли вопросительно произнёс судебный следователь, – не подумал бы. Он же там женился, народил, по– моему, сына. Не подумал бы!

– Пути Господни, – горестная улыбка затронула губы Путилина, – а навел на вашего булыню– купца, скорее всего Сорокин– старший. Только он мог знать, где хранит деньги убиенный. Случайно увидел, и столько лет покоя не давало чужое добро.

– Но брат? – глаза Николая Ивановича округлились от удивления.

– Я думаю глупая случайность, когда Василий вырвался, об этом говорят обрывки веревки, его зарезал сообщник старшего брата.

– А дети?

– Опасные свидетели. Возможно Сорокину обещали никого не тронуть, хотя он наверняка догадывался, что живых после посещения купца не останется.

– Но дети? Какие они свидетели? Слишком малы.

– Когда пахнет большими деньгами, не то, что о чужой, о своей душе убийца не заботится.

– Если Сорокин один из них, а остальные?

– Об остальных есть только догадки и не более. К моему несчастью нет их примет и есть только одна зацепка – узел на веревке. Бывший моряк, в этом вы правы, а если прав и я, то искать надо преступников в Санкт– Петербурге и ваше местное преступление связано с нашим.

Брови Николая Ивановича взлетели в удивлении.

– Иван Сорокин был частями упакован в мешки и выброшен в реку.

– Ужасная смерть! – скривился судебный следователь

В столицу воротились только на следующий день около часу дня. По прибытии отправились на Офицерскую, извозчик попался молодой, разговорчивый, так и сыпал прибаутками.

Кабинет встретил взглядом Высочайшей особы, напомнившей об оставшихся трех днях.

– Знаю, – буркнул Иван Дмитриевич, обращаясь к портрету и стараясь на него не смотреть.

Дежурный офицер доложил, что агенты на выполнении заданий, поставленных перед отъездом: владелец «Мурома» неотлучно провел в своем заведении, зато поздним вечером отлучался со своим работником, но не смогли их проследить, проходными дворами они ускользнули, словно таились от кого—то. Вернулись они под утро. Трактир все это время был закрыт, окна занавешены, никакого движения внутри не наблюдалось.

Путилин же начал просматривать бумаги, привезенные из Порховского уезда по убийству в Семенцах, углубился в их изучение, хотя ничего нового почерпнуть не удалось. Потом Иван Дмитриевич взялся за отсчеты агентов.

Теперь на подозрении Серафим Матушкин, бывший моряк Выкупил не приносящий дохода трактир, к тому же имеет не так много посетителей, все постоянные и складывается впечатление, что там самое настоящее воровское гнездо, где возможно планируются преступления.

– Иван Дмитрич, – заглянул Жуков, – донесения с участков.

– Заслуживающее внимание есть?

– Как обычно.

– Неси, посмотрю.

Одно Путилина заинтересовало – налет на дачу доктора Смелкова в Озерках. Трое грабителей за полночь ворвались в отдельно стоявшую дачу, где подняли с постелей уже спящих проживающих, под дулом пистолета связали владельца и его сына приметным морским узлом, а женщин, жену и служанку, заперли в спальне. Громилы забрали деньги с драгоценностями и растворились в ночи. Лица прикрыты, но внимательный мальчишка заметил под козырьком фуражки небольшой шрам. Но самое удивительное, что точно такие же ограбления, происходили и в Царском Селе, и Стрельне, и Ораниенбауме, по всей губернии в последние несколько лет и никто не связывал их воедино, разные уезды, разные части: преступники всегда появлялись поздно вечером, но тогда их было четверо, угрожая оружием, связывали мужчин, изолировали женщин, забирали ценности и скрывались. Иван Дмитриевич сопоставил с приездом Матушкина. Сходилось. Стало ясно – моряк может стоять во главе маленькой шайки.

Вторым членом может являться его работник, более приметный из—за шрама. Третьим был убиенный Сорокин, который наверняка был с ними заодно, а вот четвертый – прямо невидимка. О нем знаешь, но не видел, он– то может быть и является истинным главарем.

Михаил Жуков явился через мгновение после вызова, показалось, что стоял за дверью в ожидании.

– Сестрицу нашего покойника разыскали?

– Да, – ответил вызванный, словно только и ждал этого вопроса, – на Рижском проспекте, в услужении владельца скобяного магазина Серпионова.

– Давай—ка прокатимся к ней.

– Коляска готова.

Путилин прикрыл глаза, дивясь расторопности своего помощника.

Дом был двухэтажным – первый занимал магазин, на втором же проживал сам владелец с женой, детьми и прислугой, заключавшейся в едином числе – сестре убитого Варваре, тридцати пяти лет от роду, бывшей при хозяине и кухаркой, и нянькой, и домработницей пятнадцатый год.

– Господа, – произнёсла Варвара, – прошу меня простить, но у меня много дел, поэтому я не располагаю свободным временем.

– Сударыня, я не склонен злоупотреблять вашим временем.

– Спасибо за понимание.

– Варвара Спиридоновна, по какой причине ваш брат уехал из деревни?

– Иван с малых лет был в услужении у Семенова, я отписала в письме, что в городе можно устроиться, ведь наш отец скончался давно, и забота о матери и младшем брате полностью легла на его плечи. Наш местный купец не баловал своих людей, а выжимал до последнего.

– Чем занимался Иван по приезде?

– У меня была небольшая сумма, и ее хватило, чтобы начать свою маленькую торговлю.

– Не знаете, как ваш младший попал к Семенову?

– Иван же и пристроил вместо себя. Вася был шустрым с детства, я ж уехала, ему девять лет было, он Ивану помогал.

– Чем Иван занимался помимо торговли?

– Не знаю, – упавшим голосом добавила Варвара. – Мы с ним и встречаться перестали, только в последний раз приезжал, с месяц, наверное, будет, убивался по смерти брата, все слезы лил, но на похороны не поехал, деньги матери передал. Меня хозяин отпустил, так я одна и ездила.

– Ваш брат что—нибудь говорил, вспоминал?

– Нет, – оживилась она, – он говорил, что собирается покупать дом.

– Дом?

– Да, говорил, что уже присмотрел.

– Где?

– Не скажу, не знаю.

– Больше ничего не говорил.

– Нет, просто странно прозвучали его слова, которые он повторил несколько раз, мол, на кровные деньги дом стоять крепче будет.

– Спасибо, не будем задерживать. Разрешите откланяться.

В коляске Михаил, невидящим взглядом, смотрел на проплывающие дома.

– На кровные, значит.

– Получается, что да, – Путилин, задумчиво провел рукою по щеке. – Дом, купленный кровью брата. – Потом добавил, – сегодня будем брать нашего трактирщика с его работником. Кстати, кто он?

– Георгий Попов из Одесской губернии прибыл в столицу четыре года тому, через месяц после покупки Матушкиным «Мурома».

– Шайка начинала собираться.

– Как в ту компанию попал Сорокин?

– Я думаю: он с приехал с единой мыслью, как куш отхватить.

– А жена? А сын?

– Для показухи, что, мол, он своим трудом для них деньги зарабатывает.

– Иван Дмитрич, я все могу понять, но топор, Кузьмина, юбка?

– Сестра убиенного сказала, что он собрался покупать дом, но, видимо, устал от семьи и захотелось стать безутешным вдовцом.

– Каков подлец! – гневно вырвалось у Жукова, потом добавил, – получил по заслугам.

Трактир «Муром» стоял на отшибе Малого проспекта. Двухэтажное здание с покатой крышей и двумя входами – парадным с деревянным крыльцом и черным, выходящим на задний двор. Неказистая двухстворчатая дверь с почерневшей ручкой при открывании издавала пронзительный скрип, словно он выполнял роль входного колокольчика.

Кроме двух бывших матросов были задержаны еще трое, разыскиваемых за налеты, совершенные на юге – в Мариуполе, Бердянске и Юзовке. При тщательном обыске в трактире нашли несколько тайников, в которых оказалась часть награбленной с дач добычи. Но Иван Дмитриевич понимал – шайка налетчиков взята, а мозг, ее голова на свободе.

Путилин не стал допрашивать арестованных после задержания, посадил в разные камеры, где уже сидели подсадные агенты. Матушкин повел себя, как фартовый вор. Его начали с самого начала сторониться, ночь ничего нового не добавила.

Часов в десять владельца трактира привели в кабинет начальника сыска.

– Ну здравствуй, Серафим Игнатич! – обратился к арестованному Путилин.

Тот только кивнул головою, не произнёся ни слова.

– Давненько хотел с тобой познакомиться, видно ранее была не судьба.

– Эх, судьба– судьбинушка, – улыбнулся бывший моряк, – я б, Иван Дмитриевич, имел бы желание, так не хотел с Вами знаться.

– Все мы в руце Божьей.

– Так —то оно так.

– А раз так, то веревочка сколько не вьется, кончик имеет.

– Иван Дмитриевич, везде люди живут.

– Везде—то везде, но душегубов детских на первой пересылке под нож пустят. Не любят у нас таких.

– Какой хвостик за мной не вился бы, но детей никогда не губил.

– Ой ли! – укоризненно покачал головою начальник сыска. – Пойди подумай, Серафим, посиди и подумай. Пока я не тороплю. Иди.

Привели Попова, тот вообще только кивал головою, либо «да», либо «нет». Отводил глаза в сторону.

К вечеру снова привели Матушкина. Он вошел помрачневший, было видно, что крепко задумался о словах Путилина, который попусту слов не бросал. Одно если ты вор, а если погубил шесть малолетних детей, то действительно на Сахалин не попадешь, зарежут на первом этапе. Таких убийц не только фартовые, но и мелюзга рядом не терпит. Серафим держался, но мысли не давали покоя, хотя думал он, откуда может петербургсий сыск знать о деревне.

– Покормили—то хорошо? – спросил Иван Дмитриевич, раскладывая перед собою бумаги.

– Что? – у Матушкина округлились от удивления глаза, не ожидал такого вопроса от начальника сыскной полиции, наслышан много, но…

– Покормили, говорю?

– Да.

– Хорошо. Серафим Игнатич, нового ничего не добавишь?

– Что говорить? Взяли вы нас горячими, не успели перепрятать вещички. Все казалось на отшибе, тайнички надежные, ан нет, ваши ребятки дело знают.

– На том и стоим, Государь нам доверие оказал искоренять людей, живущих неправедной жизнью, в особенности убийц.

– Так какие мы убийцы? – возмутился Серафим, – грабили, по дачам озоровали, по домам шарили, но чтобы смертоубийство. Этого не было, – провел перед собою рукой, словно отметая навет, высказанный Путилиным.

– А как же Семеновцы?

– Иван Дмитриевич, я через столько городов проехал, их—то не помню всех, не то, что деревень.

– Могу напомнить, как месяц тому, приехали вы вчетвером в Порховский уезд Псковской губернии, под видом купцов посетили местного продавца льна Семенова. Продолжать? Там ты приметный узелок оставил, Серафим Игнатич.

– Иван Дмитриевич, можно мне помыслить.

– Хорошо, через час продолжим разговор об этом происшествии.

Попов продолжал молчать, по всей видимости или небольшого ума человек, или терять нечего, на все вопросы бросал недоуменный взгляд белесых глаз. На Семеновцы и семью Семенова не повел даже бровью, словно не понимал о чем идет речь.

Час пролетел мгновением, Серафим сидел на железной койке, обхватив голову руками. Мысли путались, но в висках билось одно, что начальник прав, лучше идти по этапу вором, чем детоубийцей.

Матушкин вошел с горящим взглядом, было заметно, что для себя решение он принял.

– Да, Иван Дмитриевич, в Семеновцах наша работа, но дети… Когда брат нашего торговца сумел освободиться от веревок, выбежал на крыльцо, Жоржик…

– Геогрий Попов?

– Да, да, Жоржик ножом сделал в нем две дырки. Торговец помешался и купца с сыном, и его бабой топором. Жоржик у нас немного не в себе, пока возились со старшими, он детей ножом, что носил всегда с собою.

– Значит чист ты один?

– Я – не душегуб. Кого запугать, обчистить, ограбить, это могу, а кровь пустить. Извольте, не мое.

– Кто четвертый?

– Господин Путилин, ей Богу, – Серафим размашисто перекрестился, – истинный крест, мне не ведомо. Скрытный он, всегда в картузе, надвинутом на глаза, и всякий раз то с бородами разными, то с усами, то рыжий, то черный. Хотел я его выследить, где, кто, так довел он меня до первого двора и как сгинул. А потом зажал меня в чулане и тихо так говорит: «Я шутить не люблю и в следующий раз голову на обозрение выставлю!» По спине мурашки так и побежали, такой опасностью повеяло от его слов, что они надолго охладили мое любопытство.

– Кто Сорокина на части —то?

– Мы сами узнали из слухов, передаваемых по городу, да околоточный заходил и нам поведал. Потом в Озерках нас было уже трое, он сказал, что так надо.

– А кто подыскивал дома для разбоя?

– Наша голова

– Все мне понятно, но во всем повинен ваш старшина, а вы овечки нерадивые.

– Так точно.

– Верится с трудом.

Матушкин развел руками, мол, что поделаешь, так получается.

– Как он вас вызывает на очередное дело?
– Дак посыльного присылает, быть тогда—то и там—то.
– Значит о нем ничего неизвестно.
– Ничего.
– Как его величали в ваших кругах?
– Иваном Александровичем.
– Как? – переспросил Путилин.
– Иваном Александровичем.
– Он ничего не вспоминал, говорил?
– Нет, – пожал плечами Серафим, – один раз невзначай помянул Гоголя. Я сказал, моя мать в былые времена вкусно их готовила, а он засмеялся и ответил, что под миргородским соусом он хорош, особенно если приготовлен в Полтаве. Больше ничего, все молчком.
– Кстати, зачем приметным узлом вязали мешки?
– Так наш главный велел?
– Сам вязать умел?
– Да, я его учил.

На следующий день уже с утра Путилин был в департаменте. Четыре часа он прождал в приемной, пока Его Превосходительство господин обер– полицмейстер после двенадцатичасового чая изволит час провести в отдыхе от трудов праведных, да и зол он был на начальника сыска за выволочку, устроенную ему Государем. Иван Дмитриевич усердно ждал, с утра было нехорошее предчувствие в связи с поездкой на доклад. Сейчас он с неудовольствием вспоминал об оставленном на столе завтраке.

Наконец начальник сыскной полиции столицы Российской Империи Его Высокоблагородие господин Путилин был допущен в кабинет перед светлые очи главного своего начальника – обер—полицмейстера.

Адъютант, наслышанный от своего начальника о тех взысканиях, которые приготовил главный полицейский чин столицы, с сочувствием проводил Ивана Дмитриевича на предстоящую экзекуцию, но каково же было его удивление, когда обер—полицмейстер спустя час (на слух адъютант не жаловался, но из кабинета не доносился не то, чтобы рассерженный голос начальника, но ни каких звуков раздражения) самолично проводил подчиненного до выхода из приемной с добродушной улыбкой. Он был доволен проведенным расследованием, раскрыто дело месячной давности, когда прокатилось по газетам известие об убийстве целого семейства с малыми детьми. Да, глава не схвачен, но это надо думать, дело не займет много времени. Орлы из сыскной полиции из—под земли достанут этого душегуба. Теперь есть, что докладывать Государю.

– Так, господа агенты, нас можно поздравить, – Иван Дмитриевич сделал паузу, не нравилось ему наставлять своих сотрудников, сидя в удобном кресле, он стоял перед ними, – что раскрыто убийство семьи купца Семенова и торговца Сорокина, но нас не красит, что главный зачинщик этих злодеяний пока ходит по земле и готовит новые. Мы только отсрочили его планы. Сейчас он начнет подбирать новых послушных исполнителей. Известно только имя Иван Александрович. Я жду вас, господа, с любыми сведениями, даже самыми безумными. Может быть он уедет из города, может уже скрылся, но я сомневаюсь. Если мои предположения верны, то он из образованных, хорошего воспитания. Непростой бандит с топором в руке, как два задержанных нами бывших моряка, а человек с фантазией, начитанный человек. В качестве прозвища он использовал имя и отчество Хлестакова из пьесы литератора Гоголя, тот тоже выдает себя за другую персону. Я убежден – наш преступник в городе. За розыски, господа, но не забывайте и об остальных делах, которые ждут раскрытия.

Иван Дмитриевич попросил своего помощника задержаться.

– Сиди, сиди, – произнёс Путилин и сперва опустил руку на плечо собеседника, потом продолжил хождение, – меня тревожит одна мысль, она проста, но в ней есть идея.

Михаил приготовился не только слушать, но и возражать, что всегда делал начальник, высказывая вслух предположения.

– Наш разыскиваемый назвался Иваном Александровичем По тем обрывкам которые удалось получить у Матушкина, наш молодец упомянул Гоголя, посмеявшись над моряком, что тот знает только утку. Я предполагаю, что настоящая фамилия нашего главаря и есть Хлестаков, – Иван Дмитриевич остановился и посмотрел в глаза помощника. Тот на миг задумался, покачал головою.

– Не знаю, – неопределенно сказал он, – но мысль интересная. Я проеду по участкам и проверю списки проживающих.

– Начни с утра, но, – погрозил пальцем, – без самодеятельности, чтобы не вызвать излишних подозрений. Так, чтобы околоточные не побежали предупреждать нашего злодея, который может казаться законопослушным и поддерживать дружеские отношения с околоточным, а может и с приставом. Разыскиваешь мужчину среднего роста, высоких в шайке свидетели не заметили. Лет ему от тридцати до сорока, ну и с фамилией Хлестаков.

– Иван Дмитрич, усы, борода?

– Их у него нет. Он появлялся перед своими в разном обличье, а усы там или бородку приклеить легче к выбритому лицу.

– Верно, а может быть он вообще из театральных? – высказал предположение Жуков. – Раз так лихо меняет облик.

– Я думал об этом и склоняюсь к мысли, что он бывший военный, скорее офицерского звания. Его никогда не видели в истинном обличье, поэтому он спокоен за свою персону. Денег взято по дачам достаточно, порховский купец хранил немалую сумму.

– Иван Дмитрич, а если он отойдет от разбойничьих дел, мы ж его никогда не найдем?

– Верно, – заложил руки за спину, потянулся Путилин, – знаешь, я думаю, что наш разбойник подмял под себя не с проста не новичков, а матерых воров. Мне кажется – только из—за куража. Ему нравится быть на острие, это горячит его кровь. Он жаждет не денег, хотя и они играют свою роль, а приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.